

Барним Регалица
BARNIM REGALICA

ПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ

На тему: Освободительная война польского народа

СОДЕРЖАНИЕ

Кровь на снегу

Пастушка

Потому что я отсюда родом

Et in Arcadia ego

Сабля венгра

Кровь на снегу

Действуя в соответствии с декабрьским распоряжением Народного Правительства, ротмистр Равицкий распустил часть отряда по домам, приказав явиться в условленное место во время весенней мобилизации. Был это разумный ход – ведь уже с поздней осени только конница могла передвигаться по местности скрытно. А пехоте приходилось сидеть по каким-нибудь оврагам, как мышам под метлой, – какая польза от такого войска? Поэтому мы распустили отделения стрелков и «косинеров», тщательно смазанное маслом оружие закопали, а оставшийся эскадрон кавалерии отправился в поле. Главным нашим заданием была не столько борьба с армией Москвы, сколько поддержание духа восстания до весны, просто самим нашим наличием. А было это непросто, ввиду того, что местность просто кишела отрядами неприятеля; московские солдаты были лучше вооружены, они могли отдыхать, а в случае поражения всегда имели возможность отступить к своим укрепленным позициям.

Я рассчитывал на весенние бунты среди крестьян – прошел уже год с начала восстания, а царь до сих пор не решил земельного вопроса. Но надо было до этой весны дотянуть, и как раз это было основным заданием эскадрона.

Стало оно еще труднее, когда во время боя в деревне, названия которой я не запомнил, мы потеряли почти всех коней. Замерзшие и голодные, мы остановились в каком-то селе, а из-за метели ротмистр приказал нам остаться там

еще на сутки, нарушая свое собственное правило – не проводить больше одной ночи в одной деревне. Утром, на следующий день, нас окружили казаки. Беспорядочно отстреливаясь, кто в чем был, мы побежали огородами в сторону леса, который, к нашему счастью, подходил к самой деревне спасительной полосой молодого сосняка. Там Равицкий отправил один взвод цепью на опушку, чтобы прикрыть огнем убегающих. Казаки стреляли в нас из-за домов, но броситься в атаку в лес они не рискнули. В последнее время они применяли такую тактику – связывали нас огнем, как такса кабана, а потом ждали собственную пехоту, как собака охотника.

Тут, однако, подобная тактика себя не оправдала – ротмистр, прикрыв одним взводом отступающих, приказал остальным быстро отходить. Мы оторвались от неприятеля, поджидавшего свою пехоту; казаки не решились преследовать нас в лесу.

Может, я и преувеличиваю, но была в этом заслуга Губалы. Это был старый солдат, наверняка старше пятидесяти, очень крепкий, коренастый. Сначала Равицкий не хотел его принимать, но, когда тот сказал, что в 1831 году служил в «кракусах»¹ – согласился. И, скорее всего, это было правдой, судя по тому, как он служил, как хорошо разбирался в оружии. Он не рассказывал много о своем прошлом, но, когда до нас дошли известия о гибели полковника Чаховского, он вспомнил, что познакомился с полковником, когда тот был еще совсем молодым и они служили в одном отряде. Я не проверил его слов, но судя по возрасту все сходилось.

Когда мы залегли в сосняке, получив от Равицкого приказ сдерживать огнем казаков, получилось так, что Губала занял позицию рядом со мной. Я заметил, что по пути сюда он прихватил штуцер кого-то из убитых – теперь у него было две винтовки (в отряд он пришел с собственным охотничьим ружьем). Казаки, двигавшиеся линией, стреляли в нас под прикрытием строений, а в просвете между хатами, делившем деревню на две части, встали три конных, стрелявших в нас из своих кавалерийских ружей. Я увидел дым, выходящий из стволов, и одновременно над нами раздались неприятные удары пуль о деревья. Губала прилег, и видя, что я делаю то же самое, крикнул – я беру того справа!

Выстрел – и казак, стоявший справа, упал на снег. Я тоже выстрелил, но безрезультатно. Мы перезаряжали оружие, они тоже, а мой сосед перезаряжал и вторую винтовку. И опять все повторилось, только в этот раз я подождал, пока

---

¹ Добровольческий полк, сформированный в Мехове в 1831 году, во время Ноябрьского восстания.

выстрелит Губала, а потом отправил свою пулю в окно одной из хат, из которого поднимался дымок от выстрела. Хата эта стояла с краю дороги и зона обстрела из нее покрывала и наш лесок.

Третий казак посмотрел на трупы двух своих товарищей и отъехал назад, за небольшое, росшее в просвете между хатами деревце. Когда мы перезарядили оружие, Губала попросил меня не стрелять. Он сам выстрелил в того, спрятавшегося за деревом, ранив коня, который не мог целиком укрыться за узким стволом. Животное дико взбрыкнуло, скинув седока, и пока казак вылазил из сугроба, Губала ранил его из своей второй винтовки. Но казак еще был жив – мы видели, как он ползет через сугробы в сторону хаты; через мгновение он бы мог укрыться за ней. «Братцы, спасайте!» – долетело до нас. Я подал свою заряженную винтовку Губале, и тот еще одним метким выстрелом добил казака.

Тут Равицкий отозвал наш взвод, и мы в качестве арьергарда двинулись за основными силами. На первом же привале я спросил у товарища, где он так научился стрелять – ведь служба в течение нескольких месяцев в плохо вооруженном отряде резервистов тридцать лет назад была не в счет. Без церемоний он ответил, что занимается браконьерством, потому у него меткий глаз и твердая рука. При этом в браконьерстве он не видел ничего зазорного, а даже, казалось, гордился этим своим занятием.

* * *

После того столкновения мы остались в глухом лесу, с одной стороны окруженном болотом – конечно, мороз сковал это болото, но любое потепление лишило бы неприятеля возможности зайти нам в тыл. Мы построили две землянки, внутрь принесли хвой и развели костры – все это позволяло нам хоть как-то жить дальше. Из коней спаслись всего два, пропали и все наши запасы кроме мешка сухарей, который предусмотрительно захватил с собой один из бежавших. Только они и горячая вода из растопленного снега были нашей единственной пищей. Нам следовало как можно быстрее пополнить запасы – и пищи, и амуниции – у каждого из нас оставалось всего по несколько патронов. Так что контакт с местной организацией был необходим.

Подождав несколько дней, пока колонна, отправившаяся на наши поиски, утомится и вернется обратно, ротмистр, взяв меня с собой, отправился на поиски гражданского начальника повята². Было самое время – мы уже подъели все сухари и наши желудки играли голодные марши. Мы должны были отправиться на двух спасенных конях. В сборах мне помогал Губала, какой-то хмурый. Я

---

² Единица административно-территориального деления.

спросил, что его беспокоит, и он ответил, что видел сон, а ему никогда ничего не снилось.

- И что же ты видел во сне?

- Озеро, барин.

- А ты боишься воды? Ну мыться же надо!

Я его не рассмешил. Он только покивал головой, проверяя упряжь.

- Мне нужно в него войти. Ну, значит, во сне. А за этим озером что-то есть.

- А что там?

- Не знаю.

Мы отправились в путь вечером, рассчитывая доехать до места ночью – местность мы знали, а патрули московитов не любили бродить в темноте. Равицкий знал начальника, знал, где тот живет, но контакты с ним поддерживал только через связных. Когда мы отправились к одному из них, в маленькой комнатке органиста при костеле мы никого не нашли. Напуганный нашим приездом викарый сказал, что органиста забрали жандармы. Остаток ночи и весь следующий день мы провели в сарае викария, не показывая наружу носа. Утром он принес нам кусок копченого мяса и буханку хлеба, и мы сразу повеселели. Его служанка, молодая и довольно красивая, принесла нам молока утреннего надоя. Коням засыпали овса. Вечером священник пришел к нам, угостив нас наливкой, – и по нему было видно, что он уже успел попробовать ее в одиночестве. Еще он принес нам большой кусок ветчины, мешочек настоящего кофе, а фляжки наполнил наливкой.

Он разговорился с нами, описывая в мрачных тонах настроение жителей – они пали духом из-за превосходства московитов и развеяния надежды на интервенцию. Хотя его оценка военного и политического положения была лишь частным мнением далекого от всего этого человека, к тому же порядком трусливого, то о настроениях людей, которых он исповедовал, он знал в подробностях. Вечером мы уехали, полные черных мыслей.

Через некоторое время Равицкий решительно сказал:

- Надо дотянуть до весны, а там пусть будет, что будет.

Гражданским начальником повята был бедный шляхтич, служивший управляющим в чьем-то имении. До скромного дома, где он жил, мы доехали ночью. Оглядев округу, Равицкий поехал первым, а я прикрывал его. В доме было тихо. Удивительно, у них даже не было пса, который бы мог залаять, так что

тихий стук в дверь прозвучал среди ночной тишины неприятно громко. Довольно долго никто не открывал.

Наконец, двери раскрылись на ширину цепочки. В просвете появилась фигура женщины, держащей свечу в глиняном подсвечнике.

- Мужа нет, – сказала она. – Ему пришлось уехать. Я не знаю, когда он вернется и вернется ли вообще. Я осталась одна.

Мы молчали.

- И зачем это все? – спросила она у пространства перед собой.

- Не только вы остались в одиночестве этой зимой, – спокойно ответил ротмистр. – Нам нужна помощь вашего мужа. Он добровольно согласился на это.

- Для меня он тоже согласился делать что-то добровольно. А я даже не знаю, где он.

В глубине дома заплакал ребенок. Женщина побежала туда, даже не прикрыв дверей. Мы довольно долго ее ждали. Вернувшись, она подала нам через порог кусок сала и буханку хлеба.

- Возьмите. И не приходите больше.

* * *

Мы вернулись к месту нашей стоянки, заглянув по пути в сторожку лесника, где нам дали немного сухарей для отряда и овса для коней. Лесник подарил нам мешочек патронов для охотничьего ружья и немного кремней. Конечно, этого было мало, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба. По усадьбам Равицкий предпочитал не ходить, потому что сторонники белых³ вышли из движения. К тому же лесник был членом гражданской сети, а в лес не пошел только из-за своего возраста. Он непосредственно был подчинен начальнику повяты, о котором знал только, что тот пропал.

Через несколько дней после возвращения ротмистр решил перевести отряд в другую часть воеводства – из-за того, что здесь наша организация была разгромлена, а там мы рассчитывали получить помощь, и прежде всего найти амуницию, которой было очень мало.

---

³ Более умеренная и консервативно настроенная часть восставших (по сравнению с т.н. «красными»), представленная в основном землевладельцами, аристократами и богатым мещанством.

Двух раненых, которые уже поправлялись, но ходить еще не могли, мы оставили у лесника, а их оружие спрятали. Хозяин согласился взять их – как будто «работников», пострадавших в результате несчастного случая. Остальная часть нашего спешенного эскадрона, в котором теперь было 35 людей, разделенных на 2 взвода, отправилась дальше. На двух конях были сложены наши скромные запасы, в которых, среди прочего, было и несколько лишних ружей.

У нас не было иллюзий по поводу того, как могла бы кончиться наша встреча даже с ротой пехоты неприятеля – поэтому мы маршировали по ночам, а днем отдыхали. Сначала мы планировали перейти на юг воеводства, но когда оказалось, что и там удержаться не было возможности, ротмистр решил идти к Кракову и Сандомиру, где еще удерживал свои позиции корпус генерала Босака⁴.

На следующий день, ранним утром мы остановились в стоящей на отшибе мельнице, у ручья за деревней. Мельник смотрел на нас как на упырей. Ротмистр запретил ему уходить далеко, пообещав, что к вечеру мы уйдем.

Перед нами было открытое, безлесное пространство – судя по карте, его можно было пересечь за одну ночь, но идти надо было действительно быстро. Этот марш по чистому полю был очень рискованным – если бы у нас были патроны, мы могли бы держать казаков в отдалении и добежать до леса, пока не придет пехота – но у нас было по несколько патронов на человека. А если бы мы решили обойти эти поля лесом, нам пришлось бы сделать большой крюк, а из-за нехватки питания и фуража мы не могли на этой пойти. Поэтому было решено попробовать проскочить поля за одну ночь.

Поставив часовых, мы легли спать не раздеваясь, некоторые даже не сняли ботинок. Я снял – мои сапоги служили мне уже больше года, и были так удобны, что, несмотря на высокие голенища, можно было надеть их за минуту, а на стопе они почти не чувствовались. Ну а если что случится – часовые ясным днем это заметят, нас не застанут врасплох, и мы успеем собрать свои вещи. Да и кроме того пара кавалерийских сапог прекрасно служит вместо подушки.

«Уже пора», – разбудил меня Губала. Я надел сапоги, скатал одеяло и повесил его за спиной. Мы сегодня уже ели, так что перед дорогой каждый получил лишь по чашке кофе. Я заметил, что Губала прихлебывает его в задумчивости.

- Снова тебе что-то приснилось?

---

⁴ Хауке-Босак, Юзеф – генерал повстанцев, командующий II корпуса и повстанческих отрядов в Краковском и Сандомирском воеводствах.

- То же озеро. Только я был ближе к берегу. А там, за туманом, что-то появилось. Как будто остров, а на нем что-то стоит...

- И что?

- Ничего. Я проснулся.

Мы выдвинулись в сумерках. Лунная ночь и тихая погода с одной стороны облегчали марш, с другой – нас легко было заметить, а наше следы не замечало. Но, несмотря на это у меня был хороший настрой – ночью москвиты боятся ездить, а утром мы уже укроемся среди деревьев. Мой оптимизм растворился, как мираж, когда утром оказалось, что перед нами еще большая часть пути, а поля уже заливал свет восходящего солнца. Лес на горизонте выныривал из утреннего тумана, немного в стороне виднелась возвышенность, покрытая хилой, рахитичной порослью, а еще ближе стоя куропаток, спрятавшихся под снегом. Если бы можно было посмотреть на наш отряд сверху – мы бы были на них похожи.

Я маршировал в арьергарде, время от времени оглядывая пройденную дорогу. Вдруг, далеко позади нас, я заметил блеск – это сверкали острия пик в лучах восходящего солнца. Я не имел иллюзий – это не был повстанческий отряд; теперь в нескольких повятах мы были единственными. Казаки были еще далеко, но уверенно шли по нашим следам, отпечатавшимся в снегу.

- Бегоом марш! – приказал ротмистр, и колонна двинулась так быстро, как только могла. Но мы шли всю ночь – и расстояние между нами и преследователями сокращалось. Казаки несколько раз выстрелили в воздух, наверняка предупредив другие отряды – значит, где-то рядом были еще враги. Нехорошо! Мы уже прошли возвышенность, приблизившись к лесу на несколько сотен шагов, когда из-за деревьев грянул залп. Они выстрелили всей ротой и слишком рано – потерь у нас не было. Вот если бы они подождали еще немного, было бы совсем плохо. Но в то время царь стягивал в Королевство и захваченные земли, затронутые восстанием, все войска, включая необученных рекрутов.

Ротмистр направил нас в сторону, на эту возвышенность с порослью; один взвод был расставлен полумесяцем в сторону леса, а другой – в сторону подъезжающих казаков, за которыми уже видно было и пехоту. В самом центре нашей позиции, под прикрытием пары сосен разместился сам ротмистр, а вокруг него – я в качестве адъютанта и два стрелка-гонца. Тут же стояли и навьюченные кони. Равицкий приказал развернуть знамя, лежавшее до этого среди вещей. Я понял, что он хочет добавить войску боевого духа, хотя был в этом и более практичный смысл – если все офицеры и младшие офицеры будут убиты, отряд поведет солдат, несущий знамя.

Послышался залп. Сразу же заиграл барабан и из леса вышло полроты московской пехоты; солдаты рассыпались в цепь и направились в нашу сторону. Сзади стоял их резерв, частью прикрытый деревьями. Со стороны казаков пока было тихо – там был всего взвод конных, пока лишь наблюдавших за нами. Другой отряд пехоты, подходивший за казаками, был еще далеко. Перед нами появилась тень надежды.

- Перебить этих здесь, и штыками пробить себе дорогу к лесу, пока не подойдут те с тыла. Может, у кого-нибудь это и получится, – сказал Равицкий.

Он приказал стрелять, только тщательно прицелившись, с близкого расстояния. Губала забрал второй штуцер, когда шел на свою позицию. Со стороны москалей раздавалась непрерывающаяся барабанная дробь, а через мгновение прапорщик с трубкой в зубах, руководивший атакой, дал знак, и мы услышали залп. В этот раз они стреляли точнее – где-то над нами закачались ветки, раздался стук пуль о ствол стоящей недалеко ели. Я не видел всех наших, притаившихся за сугробами и соснами, и только услышал, что кто-то коротко крикнул, внезапно замолчав. Московиты побежали по снегу.

«Пуля дура, штык – молодец!» – вспомнилось мне золотое присловье Суворова. Наверное, вспомнил его и прапорщик, наверняка рассчитывавший на повышение за самостоятельный разгром отряда мятежников. Но перед возвышенностью протекал ручей, пробившей в почве довольно широкую ложбину в половину человеческого роста; теперь снег сравнял ее с поверхностью поля и ее не было видно. Когда стрелки попали туда – начали сначала увязать, а потом и вовсе проваливаться под снег. Солдаты, матерясь, выползали из белого болота, и даже барабанщик сбился с ритма. И тогда мы выстрелили. Я видел, как прапорщик, как будто сбитый невидимым ударом, выронил трубку изо рта и упал в снег. Барабанщик продолжал отбивать ритм, они шли на нас, с нашей стороны раздавались выстрелы, и кто-нибудь из них падал.

Ротмистр перебросил сюда часть второго взвода; казаки стояли в бездействии, а потом даже отъехали назад к своей пехоте. Мы дали еще один стройный залп и барабанщик замолк. В лесу раздался сигнал к отступлению, и те, что успели вылезти из сугробов, повернули назад, забрав с собой некоторых раненых. Некоторые наши подползали к ближайшим трупам, чтобы забрать патроны и кремни. Равицкий созвал отряд, собираясь сойти к дороге и пробиться через тех, пока они не пришли в себя – но вдруг замолчал, а с ним и все мы. Взвод казаков галопом возвращался к нам – а за спиной каждого сидел пехотинец. Их командир или предвидел, что мы собираемся сделать, или просто ему в голову пришла хорошая мысль в плохое для нас время. Теперь мы не могли бежать к лесу, оставив в тылу казаков.

- Сукины дети, – сказал кто-то из наших с бессильной злобой, но и с ноткой уважения к неприятельскому командиру. А те уже спешили, рассыпались цепью и дали первый залп.

- На позиции! – приказал ротмистр. Когда все разошлись, он подошел к стоящему рядом коню и вытащил из сумы фляжку. Там была наливка, которую нам дал ксендз (свою, что не выпил я сам, я отдал отряду). Равицкий сделал несколько глотков, а потом протянул фляжку мне, пробормотав: «Наверное, я уже не успею ее допить». Я выпил и протянул фляжку гонцу и солдату, стерегущему знамя. Фляжка снова вернулась ко мне, я отдал ее ротмистру, а тот, увидев, что она пуста, бросил ее в снег.

Со стороны леса снова двинулась цепь солдат. Они уже не пытались переправиться через тот овражек, засыпанный снегом, но после того, как достаточно приблизились к нам, стали расстреливать наших, сидящих по краям возвышенности. Время от времени они в кого-то попадали – дело было не в точности стрельбы, а в обычной вероятности попадания. Иногда в цепи московских солдат появлялось пустое место – все более редкий знак того, что мы еще можем огрызаться. Со стороны казаков было то же самое – там стреляли и конные и пешие. За ними строилась рота пехоты.

- Соберите сюда всех, что еще живы, – решил Равицкий. – Только под прикрытием деревьев, чтобы те не увидели. Пусть постреляют по пустым холмам.

Я побежал к одному из взводов, обходя незаросшие деревьями места. Всего вокруг знамени нас собралось не больше 20 людей, в том числе и Губала. Те наверняка сразу поняли, в чем дело, но все же через некоторое время выслали один взвод, из той роты при казаках, думая, что мы все погибли. Здесь возвышенность плавно переходило в небольшой горб, а среди деревьев были просветы, так что мы неплохо их видели. Губала первым застрелил младшего офицера, противник ответил огнем, но оставшись без командира, солдаты быстро развернулись назад, подставив под наши пули спины. Зато теперь они знали, где мы. Сразу же прогремел точный залп. Я увидел, как Губала осел на снег, схватившись рукой за живот. Через его пальцы текла кровь.

* * *

Я как раз отгрызал бумажную гильзу от патрона, когда острая боль свалила меня с ног. Лежа рядом с незаряженным штуцером, я попытался нащупать место, в которое был ранен – пуля попала в ногу и теперь я не мог встать. Губала сидел рядом, смотря вдаль пустым взглядом. Он завалился на бок, и вдруг, посмотрев на меня неожиданно живым взглядом, проговорил, с трудом шевеля губами:

- На той стороне озера...стоит липка зеленая...зеленая... – пробормотал он, как будто желая сказать что-то важное, и замолчал.

Очередной залп москалей раздался совсем рядом, мы ответили редкими выстрелами. У нас закончились патроны. Я подумал, что еще один-два залпа, и те пойдут в штыки – тогда все закончится. По крайней мере, для меня – я и не рассчитывал, что кто-нибудь из наших будет тащить меня – из окружения и самому трудно выйти, а тут еще раненый за спиной!

Я нащупал подсумок – там уже не было патронов ни для штуцера (тот, который я хотел зарядить, потерялся), ни для пистолета. Только какие-то кремни, но толку от них без патронов! Я с надеждой нащупал деринджер за пазухой, решив, что первому, кто придет меня добить, я подготовлю небольшой сюрприз.

И тут рядом со мной начал двигаться снег. Из-под сугроба вылезло что-то, напоминающее огромную змею, раскидало снег и встало во весь рост, отряхнув с мужицкой рубахи остатки снега. Я узнал Старого из-под Ленчицы – или откуда он там был на самом деле. Он смотрел на меня то ли насмешливым, то ли сочувствующим взором из-под низко надвинутой бараньей шапки. Похоже, кроме меня его никто не видел, а уж наверняка не стрелок, который, протянув руку за выроненным мной патроном, едва не задел ей Старого.

- Гибнете, – то ли спросил, то ли просто сказал тот. И, как будто подтвердив его слова, ударил очередной залп. «Иисус Мария!» – крикнул кто-то. Я увидел, как за Старым падает на землю тот стрелок, забравший мой патрон. Я надеялся, что он хотя бы успел его использовать. Пули сразили Равицкого и солдата, державшего знамя, а одна из них попала в древко, расщепив его надвое.

- Погибаем, – и вдруг мне вспомнились его слова. – Так помоги нам, как обещал! Собери нас, как тот собрал москалей тогда, под Ленчицей!

- Даже боги подвластны судьбе, – смутно кивнул головой Старый. – А вашей судьбой было исполнение долга. Иногда он заключается в том, чтобы погибнуть, если ничего другого не остается.

Из-за куста было видно, как один из наших торопливо ищет что-то в подсумке и в карманах, наверняка патроны. Вот он подполз к мертвому ротмистру, у которого еще что-то осталось. Другой стрелок лежал в плаще с капюшоном, закрытый трупом товарища – как будто мертвый, но целился из двустволки. Вдруг со стороны москвитов послышалась барабанная дробь. Этот выстрелил из-за куста, через секунду и лежащий выпалил из двух стволов, но барабан не переставал греметь и звучал все ближе.

- Идут, – спокойно сказал Старый, протянув руку за пазуху. – Я не могу вам всем помочь. Могу только обещать, что вы вернетесь – вместе с аистами и козодоями. Вы всегда возвращаетесь. Но я получил от вас то, что мне не нужно – своим я всегда помогу просто так. Ротмистру он уже не понадобится, так что я возвращаю его тебе.

В его ладони лежал серебряный рубль, которым мы ему когда-то заплатили. В мгновение он расплавился и застыл в форме пистолетной пули. Старый вложил мне ее в ладонь – пуля была еще теплой. Ветер поднял снег, и Старый исчез.

Москали снова выстрелили – стрелок за кустом упал в сугроб, а другой не успел уже зарядить своей двустволки. Я протянул руку к подсумку – кремь еще раз мог мне потребоваться. Я быстро зарядил пистолет серебряной пулей.

Распластавшись по снегу, как будто умирая, я слышал, как замолчал барабан и стихли шаги приближающихся солдат. Снег скрипел теперь под сапогами одного человека.

Шашка, все еще прицепленная к моему поясу, вдруг начала дрожать. Надомной, улыбаясь с иронией, стоял есаул Яковлев, которого я убил год назад.

- По-моему, это принадлежит мне, – сказал он и протянул руку к шашке, не наклонившись, а та влетела ему в ладонь. Он широко размахнулся, не переставая улыбаться.

- И это тоже, – я поднял пистолет и нажал на курок. Он взорвался так, как будто я выстрелил в него не из пистолета, а из пушки. Его кровь и внутренности забрызгали мою одежду.

Я слышал о том, что серебро убивает демонов – и вот я убедился в правдивости этих слов. Солдаты, стоящие совсем близко в цепи – настолько близко, что ясно была видна мертвенность их лиц – свалились в снег. Ведь Яковлев был их мозгом, волей и жизнью, а я его убил. И теперь окончательно. В тишине, которая наступила, я услышал карканье ворон, приготовившихся к пиру.

Опираясь на руки, я дополз до знамени. Срезав полотнище ножом, я спрятал его под чамарку⁵. Я верил, что выживу, если до ночных морозов успею доползти до человеческого жилья. Или может начаться оттепель.

Подперевшись обломком дровка как костылем, я двинулся вперед.

Варшава, XI 2007

---

⁵ Польская национальная одежда, разновидность казакина/сюртука, с длинными рукавами и высоким стоячим воротником. В период Январского восстания (1863-1864) зачастую использовалась в качестве мундира.

Пастушка

До железной дороги в Кутно я доехал бричкой первого класса. С характерным акцентом объяснил мне это еврей – хозяин брички и ее кучер.

- Пан поедет первым классом.

Конечно, пришлось заплатить за этот класс, но я потребовал объяснений.

- У меня три класса. Первый класс – это как пан едет. Второй – как едем в гору, так надо вылазить. А третий – как едем в гору, так надо вставать и толкать бричку.

Путешествие прошло без проблем. И на Варшавско-Венском вокзале в Варшаве, с которого я вышел под неусыпным наблюдением жандармов и агентов в штатском, ни моя личность, ни мои документы не вызвали существенного интереса.

Я бродил по улицам, смешиваясь с бурлящей толпой большого города. После нескольких недель в поле, ночевок в деревенских хатах и на помещичьих подворьях залитая апрельским солнцем столица с ее магазинами, трактирами, кафе и бесконечной чередой мощеных улочек заставляла меня думать, что я вышел из поезда на другом континенте.

Я приехал в Варшаву, желая возобновить контакты с известным мне членом народной организации, после того, как наш отряд был разбит, и я некоторое время скрывался. Конечно, я готов был вернуться к полевой службе, но должен же был кто-то меня туда направить! Кроме того, я понимал, что информация о судьбе отряда Остои должна заинтересовать кого-нибудь в военном отделении. И к тому же старый приятель по университету, который, насколько я знал, остался в Варшаве и служил в народной полиции, казался мне наиболее надежной точкой опоры. К семье возвращаться я не хотел, справедливо полагая, что за моими близкими установлена слежка.

* * *

Разгром нашего отряда произошел в феврале в первом же его боевом столкновении. В январе я отправился служить – тогда не без труда я нашел свой отряд, расположившийся на поляне в лесу, пересеченном широкой полевой дорогой, присыпанной снегом. Поскольку я прибыл на коне, и к тому же единственный из всех когда-то служил в кавалерии – меня назначили командиром кавалерийского отделения. Отделение, хотя и периодически пополнявшееся новыми членами, только называлось «отделением» – было нас 9 кавалеристов в отряде капитана Остои, насчитывавшем чуть более 100 человек. Понятно,

что мы не представляли из себя силы как боевая кавалерия – нас использовали только так патрульных, часовых и гонцов. Все же мы надеялись, что со временем количество конных бойцов увеличится.

У одной трети нашей пехоты были кое-какие длинноствольные ружья – в основном, охотничьи, – и из них было создано отделение стрелков. Второе отделение составляли «косинеры», у некоторых из них даже были кремневые пистолеты. Наконец, самым многочисленным было отделение, вооруженное из-за нехватки кос кольями. «Все-таки это лучше, чем пустые руки», – думал я, глядя на них.

Один из двух пистолетов, взятых у убитых российских офицеров, я подарил какому-то «косинеру», убедившись сначала, что он умеет стрелять. Еще я отдал топорик, оставив себе лишь шашку есаула Яковлева – была это русская шашка без гарды.

На поляне стояли шалаши, горели костры, над которыми в котлах готовилась еда для отряда. Мало кто по дороге сюда подумал о посуде, поэтому ели прямо из котлов. Несколько человек, которые когда-то служили, занимались муштрой пехоты – по регламенту Мерославского.

Настрой первых дней был прекрасным, можно сказать, что боевой дух был тем единственным, чего нашему отряду действительно хватало. Воскрес из небытия польский национальный костюм, милый моему сердцу. Я сам был в чамарке⁶ и конфедератке, обшитой черным мехом, а поверх носил широкий дорожный плащ с капюшоном, чтобы уберечься от мороза. У части «косинеров» были сукманы⁷. Мундиров у нас не было, и только к шапкам мы прикрепляли кокарды национальных цветов, а у Остои был шарф, перекинутый через плечо. Когда я однажды обратил его внимание на то, что этот шарф слишком бросается в глаза постороннему наблюдателю, и что русские тоже могут стрелять метко, он ответил, что офицер как-то должен отличаться от своих подчиненных. В некотором смысле он был прав, так что больше я не говорил с ним на эту тему.

Из ближайшего костела в воскресенье приехал ксендз, отслуживший для отряда полевою мессу, в которой мне пришлось участвовать из вежливости. Я понимал, как важен был подобный духовный опыт для большинства присутствующих.

---

⁶ Польская национальная одежда, разновидность казакина/сюртука, с длинными рукавами и высоким стоячим воротником. В период Январского восстания (1863-1864) зачастую использовалась в качестве мундира. (здесь и далее - прим. переводчика)

⁷ Верхняя распашная мужская одежда.

Кроме добровольцев к нашему стану приходили и любопытные, которые не столько хотели помочь нам, сколько посмотреть на «польское войско». Конечно, были среди них и шпионы Москвы – ну а что мы могли поделать, ведь не гнать же прочь всех? Было бы это неразумно с политической точки зрения. И, кроме того, капитан не хотел покидать так удачно расположенного места, надеясь, что в ближайшее время придут не явившиеся еще заговорщики. Тогда мы считали всех участников заговора потенциальными солдатами, что, как оказалось, было большим заблуждением.

В течение нескольких дней наша стоянка была островком независимости в порабощенной стране – мы чувствовали, что мы у себя дома, и это чувство кружило нам голову и оттесняло все тревоги на второй план.

Моим первым местом службы в отделе был конный патрульный пост, там, где дорога выходила из леса. Во время одной из вахт, ранним утром, мы увидели, как из туманной дымки вынырнул конник; казалось, ветер раскачивал его в седле.

- Стой! Кто идет?! – закричал часовой по уставу.

- Я поляк вольный, волю любящий, а ты мне – стой? – ответил тот и неожиданно рухнул в сугроб на обочине дороги. Когда мы подъехали ближе, он вылез из снега, и, дыша перегаром, попросил отвести его в штаб, потому что он доброволец.

Обычно капитан лично принимал всех добровольцев, но теперь он был занят, так что мы усадили нашего гостя у одного из костров, где он тут же уснул. Его не будили, чтобы он протрезвел и более сознательно выразил свое желание присоединиться к нам, что он и сделал тем же вечером.

В начале февраля мы заметили усилившееся движение неприятельских патрулей; мы узнали, что в ближайший городок вернулся гарнизон московитов, выведенный оттуда после 22 января. Командир решил, что мы уйдем глубже в лес, справедливо не доверяя необученному и плохо вооруженному отряду.

Мы оставили нашу стоянку, отправившись в более крупный лесной массив, по пути к которому нужно было преодолеть несколько миль по открытому полю. Мы собирались пройти это расстояние одним маршем, возможно, с одним коротким привалом.

После того, как была построена маршевая колонна, Остоя отправил нас, конных, на разведку дороги, оставив при себе лишь двух уланов-гонцов. Я ехал во главе патруля из 3 человек, и нашим заданием была разведка пуши, куда мы переносили наш лагерь.

Было холодно, поднялся ветер, метель ограничивала видимость, к счастью – и москвитам тоже. Глубокий снег затруднял движение людей и коней. С облегчением мы добрались до опушки леса и углубились в него по полузасыпанной тропинке. По крайней мере здесь не дуло.

В лесу не было ни души, все вокруг дышало морозным величием. На девственно чистом снегу не было никаких следов кроме редких тропинок, протоптанных дикими зверями. Мы проехали еще немного вглубь леса; я задумался, стоит ли ехать дальше, когда неожиданно мы услышали выстрелы с той стороны, где находился наш отряд.

Мы повернули обратно, стараясь ехать как можно быстрее; грохот выстрелов все нарастал. Вдруг все стихло, лишь в тишине иногда раздавались одиночные выстрелы. Я услышал, что за мной едет только один кавалерист. Обернувшись, я увидел, что второй встал в некотором отдалении, смотря на нас, а на его лице появилось сомнение.

- Куда? – закричал я.

- Я поляк вольный, волю любящий – еду, куда хочу! – ответил тот, ударил коня шпорами и въехал в лес. Через мгновение его уже не было видно. Мы вдвоем переглянулись и направились туда, где раздавались стихающие уже выстрелы. Вдруг наступила тишина. Мы съехали с просеки, и пробрались к опушке, скрытые безлистными в это время года зарослями; кусты, сугробы и стволы деревьев давали хоть какое-то укрытие от врага.

Мы увидели открывающееся перед нами заснеженное пространство, освещенное красными лучами заходящего солнца; на поляне лежали трупы людей в сукманах и чамарках, некоторые были в московских шинелях. Там, где было их больше, стояло несколько десятков кавалеристов, другие обыскивали трупы, иногда – для уверенности – пробивая их пикой или саблями. В небольшом отдалении двигалась рота московской пехоты, редкой цепью, с ружьями в руках. Время от времени они натыкались на трупы людей в сукманах, лежащих рядом с косами и кольями, и добивали некоторых штыками. Был это результат первой и последней атаки наших «косинеров». Кто-то из лежащих начал двигаться после удара штыком – был ранен, но жив. Солдат некоторое время пристально смотрел на него, оценивая шансы на выживание во время транспортировки и будущих допросов. Видимо, шансов не было, потому что через мгновение солдат два раза ударил раненого штыком, а затем быстро вернулся в строй.

Похоже, Остоя, стрелки которого были заняты московской конницей, зашедшей в тыл отряда, оказался под огнем этих пехотинцев и бросил против них единственное, что у него было – людей с косами. Но расстояние было слишком большое и снег мешал им бежать. Результат мы видели перед собой.

Вдруг мой товарищ подал знак рукой. От места бойни вел след, постепенно исчезающий; снежинки танцевали в порывах сильного ветра, заматая его. След заканчивался в сугробе перед кустами, там, где лес переходил в поле – заросли были теперь без листьев, но снег покрывал сплетенные ветви. Мы осторожно подъехали и увидели лежащего лицом вниз солдата из нашего отряда.

- Жив, – коротко бросил улан, подойдя к тому ближе.

- Поможем хотя бы ему. На коня его, и в лес! – решил я.

Мы привязали его к моей спине и двинулись известной нам дорогой в лес.

Метель стерла наши следы, а сгущавшиеся сумерки наверняка отбивали охоту искать нас.

К счастью, у моего товарища довольно недалеко отсюда жила семья, мелкая шляхта. Мы не сразу их нашли; целую ночь мы ехали и только утром смогли остановиться в каком-то дворе, где нас хоть и приняли без удовольствия, но за дверь не выставили. Утром хозяин даже дал нам бричку с кучером для перевозки раненого. Мы оставили его в ближайшей деревне под опекой местного ксендза – насколько мой друг знал, тот был связан с народной организацией, а если даже и нет – то симпатизировал патриотам.

Мы не ошиблись, и отправившись дальше вдвоем (бричку мы отослали еще раньше, наградив возницу мелкой монетой), к вечеру приехали в дом родителей улана. Правда, не без приключений. Чтобы ехать быстрее, мы двигались главным трактом, хотя полями было безопаснее. Когда поздно вечером мы проезжали через большую деревню, казалось, никого в ней не было. Когда же мы уже выезжали из нее, дорогу между плетнями двух крайних хат преградила нам толпа крестьян с палками, предводительствуемая человеком в московской шинели, но без знаков различия. Мы медленно подъехали к ним.

- Господа, вы здесь не проедете.

- Почему это? – спросил мой товарищ.

- Нам приказано задерживать всех незнакомцев. Так власти приказали, господин....

У меня был пистолет, сабля и деринджер – но я не знал, можно ли стрелять в тех, кого мы освобождаем. Улан, казалось, тоже задумался над этим, отъехав несколько десятков метров, после чего развернулся, держа револьвер в руке.

- Вон! – крикнул он, двинувшись на них галопом.

Я выхватил саблю и поскакал вслед за ним, ударяя плашмя подвернувшихся крестьян. К счастью, после первого же выстрела мужики бросились врассыпную, огнестрельного оружия у них не было – ведь это не курпы.⁸

Остаток дороги до дома улана мы проехали полями. Свежий снег и метель скрывали наши следы.

Это происшествие, хоть и счастливо для нас закончившееся, опечалило меня: если крестьяне часто будут принимать нас подобным образом – мы проиграем.

Под доброжелательной опекой родителей моего товарища я провел несколько недель, выздоравливая после воспаления легких, подхваченного во время той ночной поездки. В постели я узнал о поражении и бегстве Мерославского⁹. Я не скрывал, что был этим раздавлен – не потому, что я когда-либо причислял себя к поклонникам пана Людвика, а потому, что поражение самого талантливого из наших военачальников не сулило ничего хорошего остальным.

После выздоровления я начал помогать местной организации, членам которой меня представил мой улан – в его доме мы отливали пули, собирали оружие и инструменты для отряда повстанцев, который собирались здесь организовать. Активно включился в нашу работу и отец моего товарища.

Успехи Лангевича¹⁰, описываемые в газете Народного Правительства, которая, хоть и с опозданием, приходила в нашу глубинку, добавили мне надежды; видно было, что даже его поражение в марте не означает окончания борьбы, к тому же, почти одновременно с этим появились слухи о скорой интервенции Франции.

Когда же в наших местах не удалось организовать отряда – в первую очередь, из-за нехватки обученных офицеров – я, утомленный ожиданием, отправился в Варшаву.

* * *

После нескольких часов кружения по улицам я привык к городу, убедившись к тому же, что за мной нет слежки. Я купил две шелковые рубашки – только они в поле могут уберечь от вшей, а летом просто необходимы для партизана.

---

⁸ Этнокультурные группы поляков, проживающие в регионе Зеленой Пуци и Белой Пуци, в Мазовии. Известны своим свободолюбием и непокорностью.

⁹ Мерославский, Людвик Адам – польский генерал, поэт и публицист, теоретик военного искусства; вследствие двух поражений и конфликта с М. Лангевичем отказался от руководства январским восстанием и бежал в Париж.

¹⁰ Лангевич, Мариан – талантливый польский генерал, участник похода Гарибальди на Сицилию; с марта 1863 – диктатор январского восстания.

Хотя, как я заметил позже, мужики не признавали достоинств таких рубашек и не надевали их. Когда одну из этих рубашек я предложил мужику Губале (о нем речь впереди), он с удивлением посмотрел на меня: «Дед-прадед жили со вшами и хорошо им было». Но я и не настаивал.

Всех вещей у меня было – одежда и маленький кожаный саквояж, так что я передвигался свободно, тем более, что одет я был по-европейски. Польский костюм и деринджер я оставил в доме того улана, не желая без необходимости бросаться в глаза. Купив все, что мне было нужно, я отправился к родителям моего университетского друга. Они заверили меня, что он все еще в Варшаве, на свободе, сообщили ему о моем приезде и тем же вечером мы встретились.

Он сменил адрес, хотя и не прятался – да я и не спрашивал. К счастью, он жил один, в съемной комнате с кухней – в этой кухне я и ночевал, пока жил у него. Дважды я рассказывал свою историю – один раз ему, второй – кому-то незнакомому, как мне показалось, занимавшему важный пост.

Через несколько дней, в течение которых я сидел дома, стараясь не бродить без необходимости по городу, друг сказал мне, что есть офицер, которого отправляют в наши места, а я – как человек, знающий местность и имеющий там связи – отправлюсь с ним в качестве адъютанта.

До выезда было еще несколько дней, и потому мой друг попросил еще раз повторить историю нашего отряда – для человека, который по важной причине не мог сам отправиться в поле, но с удовольствием послушал бы рассказ очевидца вооруженных столкновений. Мы должны были встретиться с ним в какой-то квартире в предместье.

Мой друг каждый день приносил легальную прессу; в тот день, когда мы должны были отправиться в предместье, за завтраком он молча положил передо мной газету. Обычно он комментировал новости, но сегодня ему не надо было говорить – все было ясно из заголовка. Помилование! Император даст прощение всем повстанцам в течение месяца сложившим оружие. Я захлебнулся чаем. Хотя и не мне было решать, принять ли это предложение или нет, я понял, что наступил решающий момент. И я бы солгал, сказав, что отклонение подобного предложения казалось тогда всем единственной возможностью. Что касается меня – я готов был подчиниться решению Народного Правительства; к тому же, как и все тогда, я рассчитывал на интервенцию. Но помилование, которое в тех условиях должно было бы сочетаться с автономией Королевства и решением крестьянского вопроса, казалось мне, ввиду нашей военной слабости, вполне разумным выходом.

* * *

Место, в котором мы должны были встретиться со знакомым моего друга, оказалось каменным домом со двором, в котором была мастерская точильщика.

Во дворе стоял атлетически сложенный шарманщик, который начал что-то играть, пока мы шли. У него не было обезьянки или попугая, зато в руках он держал деревянную трость с металлическим набалдашником, которой человек его размеров мог легко, одним ударом разбить череп. В мастерской ремесленник и его ученик работали на оселках, окруженные висящими на стенах и стоящими на специальных полках ножами, топорами и тесаками – ими можно было бы вооружить целую роту мясников.

Друг сказал что-то мастеру, а тот ответил движением руки. Мы отправились наверх, в мансарду, а через мгновение появился там и наш собеседник.

Был он, как и мы, еще молодым человеком, не старше тридцати. Безбородый, с зачесанными назад волосами средней длины, в сюртуке, жилете и выглаженных брюках, он был похож на чиновника низкого ранга или учителя. И только умные глаза с холодным, острым взглядом не подходили к этому образу обычного мещанина. Спустя несколько минут я заметил еще одну странность – он не пользовался правой рукой, которая во время нашего разговора была прикрыта перекинутым через нее плащом. Сначала я думал, что он держит в ней оружие – с его стороны было бы это избыточной осторожностью. Но нет – пока он стоял, плащ держался на согнутой руке, когда же он захотел его надеть – он использовал только левую руку. Правая висела свободно, казалось – она независима от своего хозяина. Это объясняло неспособность его к полевой службе – травма руки исключает подобную возможность, несмотря на самое искренне желание. Хотя я начинал понимать, что предместья Варшавы в то время тоже были своего рода лесом.

Мою историю он слушал сосредоточенно. Когда я описывал столкновение с мужиками, он прервал меня.

- Тот в шинели – наверняка отпускник; жаль, что вы не прирезали его сразу же.

- Кто? – я не знал этого определения.

- Отпускник – солдат в бессрочном отпуске. Царь перед самым восстанием приказал отправлять в отпуск всех верных солдат из Королевства. Они получили отпуск и деньги, а к ним – приказ шпионить для властей и настраивать крестьян против восставших. Это грозная сеть – она возникла неожиданно, членов ее мы не знаем, а для своих в деревне такой отпускник может быть авторитетом.

Я хорошо запомнил его слова, и потом, когда бы мой патруль ни натыкался на отпускника, я приказывал вешать его без лишних слов, хоть бы и был он самым мирным человеком на свете.

И все время я думал о помиловании, и, насколько я понимал, мой друг тоже. Поэтому, рассказав все, я спросил моего слушателя о шансах нашей борьбы. Не об отношении к помилованию – ведь оно, как подсказывала логика, будет зависеть от оценки шансов. Так, во всяком случае, мне казалось. Я задал вопрос и на некоторое время в комнате воцарилось молчание.

- Мы боремся за государство для нашего народа, – ответил он через некоторое время. Я кивнул головой – это было очевидно для каждого.

- Но что такое, по вашему мнению, народ? Так вот, как бы мы его ни определили, приходится согласиться, что те, кто не знает о существовании самого народа, не могут быть его представителями. Разве тот отпускник, о котором вы говорили, не был поляком? Наверняка был – и по языку, и по обычаям и по происхождению. Но не был поляком по духу, потому что дух его спал. Восстание – для того, чтобы таких разбудить и вернуть в лоно народа. А ведь у нас деревня – это большинство населения, так что пробуждение деревни решит, быть или не быть нашему народу – и не только сейчас, но и дальше. Мы объявили о передаче земель во владение и отмене барщины – и это уже случилось, даже если мы проиграем. Сегодня 12 апреля, а 1-го крестьяне должны были вносить второй взнос за этот год. И не платят, целыми деревнями не платят, и не выполняют никаких повинностей. В этом отношении они подчиняются Народному Правительству, огласившему Манифест. И это уже общественный факт, который не отменить – для этого царю пришлось бы воевать с мужиками, а этого он сам хочет избежать.

- Простите, но крестьяне исполняют только один пункт Манифеста. В ряды войска массово идти они не хотят.

- Это не меняет главного – раздел земли совершился. И отличие общественного устройства польских земель от московских на самом низшем, самом основном уровне общественного здания, которым является деревня, уже закреплено. Вернемся теперь к народу. Ведь он представляет собой сумму отличий, присущих нам, не только языковых или культурных, но и общественных. Отдельное общественное устройство, которое этот народ считает для себя самым подходящим. И со временем оно откладывает свой отпечаток на психике народа, как узор на глине. Но нам надо не только хотеть остаться собой, но и основать это желание на общественных институтах. Особенно в связи с отсутствием самого важного из них – государства, и ввиду нашей лишенной уверенности в себе психики.

Это последнее удивило меня, и я попросил объяснений.

- Мы только снаружи кажемся такими независимыми. Может, для французов, которые судят о нас по нашим эмигрантам, т.е. отдельной и не представляющей весь народ группе людей. Вы сами знаете, как мало просвещенных людей

включилось в борьбу – те, кто это сделал, заметны; они выглядят как группка великанов, заслоняющая собой толпы карликов. Против нас – москвиты, общество рабов, но с определенной точки зрения – очень привлекательных рабов. Ведь у них – самое большое на земле государство с его богатствами, и они могут развиваться там как в натуральной крепости. И никто не запретит им быть рабами, если они этого хотят – не помогут тут и силы всей Европы. И это так импонирует людям, убежденным в невозможности для нас самостоятельного существования, свято верящих в то, что нам нужно на кого-нибудь опереться, чтобы встать. Вспомните, как многие у нас хотели и хотят создать с Москвой единый политический организм – начиная со Сташица¹¹ и Станислава Августа¹² и заканчивая Гуровским¹³ и Велопольским.¹⁴ Мы ими не гордимся, прикрываем их фигурой Костюшко.¹⁵ Но вопрос о том, останемся ли мы собой или превратимся в часть чего-то большего, потеряв в конце концов себя – еще не решен. И мы его как раз решаем.

Во-первых, мы сказали «проверим» тем, кто в качестве аргумента разыгрывал карту московской демократии. И москвиты оказались демократами – до границ своей Империи и ни шагу дальше. Перестали говорить голосом Герцена, а начали – голосом Каткова¹⁶; и этой картины не меняют единичные фигуры тех, кто не словом, а делом поддержал нас. Во-вторых, их поступки окончательно лишат поддержки тех, кто все еще хочет нас в них растворить, как маркграф¹⁷. Продать самобытность за обширные восточные рынки. Река крови, которая здесь прольется, отделит нас от них надежней, чем Двина или Днепр. И в этом тоже смысл восстания.

---

¹¹ Сташиц, Станислав Лаврентий – польский писатель, публицист, просветитель, философ и ученый конца XVIII – начала XIX в.

¹² Понятовский, Станислав Август – последний король Речи Посполитой, ставленник Екатерины II.

¹³ Гуровский, Адам – польский публицист и политический деятель. Утверждал о способности Польши к самостоятельному существованию, призывая поляков принять православие и влиться «в единый русский народ».

¹⁴ Велопольский, Александр – польский и российский политик, маркграф Гонзага-Мышковский. Сторонник проведения пророссийской политики. В 1862-1863 гг. – начальник гражданской администрации Королевства Польского.

¹⁵ Костюшко, Анджей Тадеуш Бонавентура – польский военный и политический деятель, организатор восстания 1794г., национальный герой Польши и США.

¹⁶ Катков, Михаил Никифорович – русский публицист и издатель, отличавшийся реакционными взглядами. В 1863-1864гг. проводил антипольскую кампанию в официальной прессе.

¹⁷ т.е. А. Велопольский, см. выше.

- В этой реке скорее мы утонем. И потеряем своих лучших, как и во всех войнах, где воюют добровольцы. Ведь потери москвитов – по большей части солдаты-рекруты, простой народ. А людей у них много.

- Все мы когда-нибудь умрем. Вопрос в том, с каким результатом. Наша смерть усилит народ в его многовековой жизни. А это хороший результат.

* * *

Несколько дней спустя друг познакомил меня с ротмистром Равицким – во всяком случае, так мне он был представлен. Снабженный документами, согласно которым я был землемером и должен был проводить полевые замеры в ленчицком воеводстве (у ротмистра были документы купца), я отправился с ним на вокзал варшавско-венской железной дороги. Там к нам присоединился Ярослав Базылюк, слуга и помощник «купца». Судя по его акценту, он был родом из Восточной Польши, а ротмистр сказал, что наш новый товарищ сбежал из московского войска и едет с нами в поле. О большем я не спрашивал.

В Кутно мы получили подводу с возницей от членов народной организации, предупрежденных о нашем приезде. Без промедления мы отправились в путь. Из-за распутицы мы не могли ехать быстро, пришлось ночевать в каком-то дворе. На следующий день, по пути к месту сбора, где нас ожидали среди прочих выжившие из отряда Остои с моим конем, возница решил сократить дорогу, свернув с тракта на проселок. Он не подумал, что тающий снег превратит ручеек, пересекающий эту дорогу у какой-то деревни, в грозную и бурную реку, над которой нам пришлось стоять, не зная, что делать дальше. Проехать было нельзя.

В отдалении, у деревни, на освещенном солнцем лугу я увидел женщину, пасущую каких-то птиц. С возницей (местный и в мужицкой одежде он должен был вызвать доверие) я отправился в ее сторону, оставив двух своих товарищей сторожить воз и коней.

Когда мы приблизились, я увидел, что птицы, которых она стережет – павлины. Один из них посмотрел, как мы приближаемся и недоверчиво заклокотал. Другой развернул хвост, как будто желая нас напугать. Девушка смотрела на нас с безразличием, вяло пожевывая стебелек травы.

- Как до брода добраться? – спросил возница.

- Воот там, – махнула она в неопределенном направлении рукой, – через деревню и за садом Войтка.

- А можно телегой проехать?

- Можно, но осторожней. Там за бродом ходят теперь в лесу всякие ...

- Кто ходит?

- Говорят – поляки.

- А откуда они такие, поляки? – спросил возница с любопытством.

- А черт их знает, откуда они взялись.

- Да поможет вам бог, – я кивнул ей в знак благодарности и вместе с проводником повернул обратно.

Она провожала нас отсутствующим взглядом, пожевывая травинку.

2007-10-18

Znad Wilii, 1/33

Потому что я отсюда родом

*Теням Оксинского и Шафарчика
- если они где-нибудь есть.*

Он стоял на дороге – желтой полоске песка, прорезавшей серо-бурые пространства полей, заканчивавшихся где-то там, вдали, темной и низкой линией леса. Одет он был в серый чекмень до середины лодыжки, застегнутый на костяные пуговицы, на его голове была высокая шапка. В руках он держал палку, а за спиной у него на плетеном пояске висела полотняная дорожная сума. В целом – простой мужик, и впечатления не меняли даже его высокие кожаные сапоги – ведь бывали же и богатые крестьяне.

Мы подъехали втроем, оставив одного улана чуть позади, чтобы осматривал местность. Вахмистр Базылюк со своим бельгийским ружьем, упертым в луку седла, и я подъехали прямо к мужику, а еще один улан объехал его. Путник не выглядел грозно, скорее просто степенно, но с января осторожность стала просто необходима для выживания. И не всегда этой осторожности хватало.

Нам нужен был язык – никто в отряде не знал, где мы сейчас находились. У ротмистра были карты, но они остались в обозе отряда в той деревне, из которой неделю назад выбили нас московиты. Наверняка, сейчас их с интересом разбирает какой-нибудь штабной офицер – конечно, если перед этим казаки не порезали их на самокрутки. В деревне остался и труп связного, который должен был вести нас к месту сбора. Доброжелательно настроенный человек из местных был бы для нас теперь подарком судьбы.

- Вы знаете дорогу на Ленчицу? – спросил я мужика.

- А знаю, знаю. Но сейчас там нельзя ехать, нельзя. Там этих много, – и махнул рукой в неопределенном направлении, как бы добавляя силы своим словам.

- Ночью ехать надо, ночью, – начал он через мгновение, ответив на вопрос, который только зарождался у нас на устах.

- Вы покажете дорогу ночью?

- Покажу, господин, покажу. Не пропадете, если я вас поведу. Я тут знаю все дороги и даже те, по которым никто не ходит. Потому что я отсюда родом.

И своей палкой, как будто маршальским посохом, он ударил в песок, подчеркнув этим жестом свои слова. На дереве я увидел вырезанные ножиком знаки, казалось, очень древние. Мне пришло в голову, что он мог быть старостой – такие палки использовались и в моих сторонах для того, чтобы созвать сход – их передавали вместе с известием о нем от хозяина к хозяину.

* * *

С мужиком, которого посадили за спину одного из уланов, мы отправились к месту привала эскадрона.

Ротмистр Равицкий расспросил нашего гостя, после чего приказал его накормить и посоветовал всем нам отдохнуть – ночью мы собирались двинуться дальше. Я отрапортовал о результатах патруля в присутствии Базылюка, который – когда нам уже надо было прощаться – покивал беспокойно головой.

- Простите, господин ротмистр – а мы хорошо поступаем? Этот старый, похоже, того... – Базылюк значительно покрутил пальцем у виска.

- Умалишенный или нет, но он здешний и знает дорогу. Пусть только выведет нас к Ленчице, а там пусть идет ко всем чертям, – ротмистр как всегда был практичен.

* * *

Мы отправились в сумерках, шагом. Старый (так мы его назвали, хотя при ближайшем рассмотрении он не казался очень старым, вообще, трудно было сказать что-то определенное о его возрасте) уверенно вел нас вперед, держа под узду коня, на котором ехал вахмистр Базылюк. Перед отъездом ротмистр позвал Базылюка и еще одного улана. «Если он, – кивнул Равицкий в сторону дремлющего мужика, – что-нибудь начнет, то, вы понимаете...» И чиркнул пальцем под горлом. Ротмистр был реалистом, и я ценил его за это.

Ночь была лунной и ясной, что облегчало нам передвижение по лесу. Сначала мы ехали просекой, потом, пролезая сквозь ветви, по каким-то лесным тропинкам, и выехали на опушку леса. Перед нами лежали поля, освещенные лунным светом, а вдалеке темнела линия следующего леса, куда мы и направлялись.

На этом поле, при таком свете мы были бы как на ладони – но нигде не было ни души, только стадо кабанов паслось в отдалении. Головная часть отряда, которую вел мужик, задержалась, чтобы подождать остальную часть колонны. Наш проводник смочил слюной палец, проверил направление ветра и через мгновение подал нам знак рукой. Отряд потихоньку вышел из леса, направившись к отдаленному бору.

Мы ехали через поле, а стена леса перед нами медленно росла; мне казалось, что слишком медленно – несколько месяцев, проведенных в поле, привили мне нелюбовь к открытым пространствам. Раньше – т.е. перед январем, в давние, казалось теперь, времена – я не думал, что Мазовия так велика.

Голова отряда наконец добралась до первых деревьев, исчезнув в их тени. Через минуту присоединилась к ней и оставшаяся часть отряда. Мне, единственному среди нас владельцу подзорной трубы, к тому же от природы имеющему хорошее зрение, было приказано проверить, не ведем ли мы за собой кого-нибудь. Когда после проверки окрестностей я отправился за эскадроном, кроме следов копыт на земле не осталась после нас ничего – как будто лес поглотил нас.

* * *

Сосновый бор постепенно переходил в ольшаник; мы ехали по тропинке, гуськом, раздвигая руками ветви. По бокам тропинки, между стволами деревьев, вставал туман. Через некоторое время уровень почвы начал подниматься – мы въехали на поросший соснами холм посреди болот.

- Здесь остановимся, – сказал Старый, а ротмистр только кивнул головой. Уже некоторое время переходы по ночам и дневные привалы были для нас обычным делом. Равицкий расставил часовых, остальным приказав отдыхать. Я с удовольствием разложил одеяло на сломанных ветвях. Несмотря на рассвет я сразу заснул тяжелым, темным как болото, сном.

Разбудил меня вахмистр Базылюк, а точнее, за мгновение перед ним, – запах кофе, шедший от кружки, которую он держал. В той деревне мы потеряли все свои запасы, но мешочек кофе был приторочен к седлу коня, на котором ехал наш повар, то есть улан, которого – как оказалось, авансом – мы назначили на эту почетную должность. До восстания он, и вправду, был слугой в трактире. Я ел без нареканий, радуясь, что до этого времени мне не пришлось

обращаться к помощи нашего врача, который – как сам он хвалился – целый год изучал ветеринарное дело.

Кофе и сухарей, которые были у каждого в неприкосновенном запасе, нам пока должно было хватить – до того момента, как мы придем к месту сбора. Из-за незнания нашего положения и военного превосходства врага ротмистр не хотел подъезжать к жилью.

Сидя на своей «постели» я жевал сухарь, запивая его кофе, и каждый глоток вымывал из меня остатки сна. Чуть впереди меня сидел Старый – пил что-то из металлической кружки, которую вынул из своей сумы.

- Не хочет кофе. У него там иван-чай в сумке, – Базылюк присел рядом со мной, тоже разглядывая мужика. – «Пью свое, потому что я здешний». Только кипяток взял из котелка. «А не хочешь – не надо. Не захочешь – не будешь», – Базылюк хлебнул кофе.

Ну что же, ничего не было в этом удивительного, я тоже люблю иван-чай. А крестьяне – тем более. Скорее, это вахмистр изменился во время своего пребывания на Западе.

- Этот старик странный какой-то, – продолжал Базылюк. – Спросил меня, на сколько бьет такой карабин. Не знал, что такое 900 метров, так я ему перевел в сажени. «Это в 4 раза дальше, чем мушкет». Ну а откуда он знает, что такое мушкет?

- Знаешь, крестьяне держат у себя под крышами старые мушкеты, чтобы браконьерствовать. Если бы все эти ружья били москалей, как бьют оленей – мы бы не сидели в лесу.

Вахмистр только покивал головой – а что он мог сказать?

* * *

В сумерках мы двинулись в путь; Старый сказал, что к утру мы будем под Ленчицей. В сером тусклом свете мы оставили наш холм, снова спустившись в болота. Я не понимал, как наш проводник ориентируется здесь. В какой-то момент тьма накрыла нас своим плащом, и только мужик продолжал спокойно идти вперед, проверяя палкой почву впереди себя. Какой-то улан вышел немного в сторону, провалившись до колен в вонючую жижу. Пока он пытался выбраться, его затянуло уже по пояс, потом мы его все же вытянули.

- Не отходите в сторону. Не отходите от меня, а я-то уж вас проведу. Потому что я отсюда родом, – пробормотал Старый, даже не повернув головы.

Земля поднималась и вот мы вышли на твердую почву. Высокий лес был почти без подлеска, что облегчало нашу дорогу, а через минуту лесная тропинка превратилась в песчаную дорогу. Ротмистр остановил нас, чтобы привести в порядок строй, – мы снова напоминали отряд, а не заблудившуюся в лесу группу людей и коней.

Я ехал в головной части отряда, двигаясь шагом, потому что быстрее не получалось. В лунном свете, проходящем сквозь кроны деревьев, я заметил, что холмы перед нами создавали неестественно правильный четырехугольник. Я посмотрел на мужика, указав на холмы рукой.

- Шведская гора, господин.

Я должен был догадаться. В народе так называют все, что создано человеком и старше трех поколений – даже городища далеких предков. Но тут, судя по правильным формам, мужик был прав.

- У них были пики и рапиры, мушкеты и пистолеты, – продолжал мужик; казалось, душа его была сейчас в другом месте, – были шлемы и панцири. Ничего им не помогло. Те деревья выросли на их костях, – он кивнул головой в сторону зарослей у обочины дороги.

* * *

Мы прошли уже половину намеченного пути и должны были сделать привал, но мужик повел нас дальше. Сказал, что знает безопасное место; конечно, ночью нечего было бояться, но осторожность никогда не бывает лишней, и потому ротмистр приказал ему вести нас дальше.

Мы свернули с главной дороги, и через некоторое время в предрассветных сумерках я заметил перемену. Лес с подлеском резко оборвался, местность поднималась вверх, а вокруг нас росли яворы, которые я сразу узнал в утреннем тумане. Их кроны напоминали крышу, а между их стволами было так просторно, что нам показалось, будто мы въехали в живой, зеленый собор.

Первый вал показался мне просто натуральным возвышением, второй же, более высокий и присыпанный листьями казался выше – возможно, из-за отсутствия подлеска. Когда мы проехали через проем, бывший когда-то воротами, из-за яворов показался третий вал, высотой до четырех метров. Это было древнее, многие века назад заброшенное городище.

Мужик повел вокруг рукой, вопросительно поглядывая на ротмистра; тот кивнул головой. Мы остановились немного отдохнуть. В поисках сухого места я заглянул за самый верхний вал, диаметром в несколько метров. К моей радо-

сти рядом с растущим там явором лежал ствол другого дерева, видимо, поваленного бурей. Он примыкал к явору под прямым углом, образуя что-то вроде скамьи. Я с облегчением припал спиной к дереву и сразу же заснул.

И тогда я увидел это место в другие времена; не знаю, почему, но как обычно бывает во снах, я хорошо знал, что вижу. Три кольца валов были выше, хотя я знал, что они не служат для защиты. Яворы росли за внешним валом. Через трое ворот к месту, на котором я сидел, шли дороги, и по ним уходили вооруженные люди, одетые в кольчуги, какие я видел только в музеях. На поясе у каждого был меч, а не сабля, на головах – вытянутые шлемы, увенчанные пучками волос. Рядом со мной догорал костер, над углями поднимался дым. Я махнул рукой, разгоняя его, и тогда один из идущих обернулся. Он вскинул руку – то ли прощаясь, то ли приветствуя меня – и снова пошел за остальными. И только через мгновение я понял, что у него было мое лицо. Я хотел его окликнуть, но вдруг почувствовал, что кто-то или что-то на меня смотрит. Ствол, о который я опирался, задрожал – и только теперь я увидел, что это была статуя с тремя головами под одной шапкой. Одна из этих голов пристально посмотрела на меня – и тогда я проснулся.

* * *

Последнюю часть пути мы преодолели днем. Ротмистр остановил нас в маленьком, заболоченном лесу под Ленчицей. Мы остановились на краю просеки, которой мы ехали, там, где она выходила на поле, поставив на опушке стражу. Заболоченность леса исключала для неприятеля возможность зайти нам в тыл, особенно зайти скрытно. Сам Равицкий должен был в одежде купца и с фальшивыми документами (он всегда носил их с собой, поэтому они уцелели во время погрома) отправиться к известному ему члену организации в городе и захватить языка. Эта идея не была блестящей, ведь в случае провала мы потеряли бы предводителя. Но, к сожалению, никто другой не знал того человека, а путешествие без бумаг было слишком рискованно. Да к тому же было бы оно бесполезно – тот человек в городе, если он еще жив, ни за что бы не доверился кому-либо незнакомому. Это уже не был январь.

Ротмистр хотел подождать до вечера, чтобы прийти в городок позже, в сумерках. Однако прежде чем он отправился, мы узнали правду о месте сбора.

Сидящий в кроне дуба на опушке дозорный доложил о сотне казаков, ехавших в нашу сторону. Через минуту он дополнил свой доклад – за казаками в некотором отдалении двигались две роты пехоты. В это же время улан, которого мы оставили у въезда в просеку, доложил, что на расстоянии выстрела от леса строится рота пехоты с батареей орудий. Пока они боялись идти в лес, и правильно, потому что узкая просека свела бы на нет их численное преимущество и дала бы нам прекрасные возможности для засады. Но они отрезали нам пути

к отступлению. Болотистый лес, конечно, нас прикрывал, но сидеть в нем вечно мы не могли.

Ротмистр решил, что до вечера мы будем сдерживать казаков огнем; он полагал, что те будут ждать, пока не подойдет пехота. А пока пехотинцы придут, мы под покровом сумерек пойдем назад по просеке, пробьемся через солдат с пушками, рассчитывая на то, что темнота не даст им вести прицельный огонь, а пешком они нас не догонят.

Пока же ротмистр приказал спешиться, поставив на флангах по одному взводу, а оставшихся разделил – часть отправилась к выезду с просеки, а часть осталась с ротмистром в качестве резерва. Коней под присмотром коневодов отправили глубже в лес.

- Не стрелять без команды, огонь повзводно, – наконец бросил он; я надеялся, что без надобности. Люди уже пообстрелялись; беспорядочная пальба из всех ружей перед тем, как неприятель войдет в зону поражения, случавшаяся в начале восстания, сегодня не должна была произойти.

После того, как приказы были отданы, ротмистр подошел к Старому, стоявшему под дубом недалеко от меня. Запустив руку в карман, Равицкий вынул серебряный рубль.

- Ну, дед, ты свое заработал. Теперь ты не нужен. Иди, пока можешь.

Рубль пропал в ладони мужика, ротмистр отошел и, наверное, не услышал таких знакомых слов:

- Я еще вас поведу, если захотите. Потому что я отсюда родом.

Не было времени думать о нем.

Оказалось, что ротмистр просчитался.

Казачьи отряды остановились вне досягаемости наших бельгийских штуцеров, и сотня начала строиться для атаки. Я увидел, что они сложили пики, бесполезные в лесу, у стана предводителя. «Наверняка их офицер не хочет делить свой успех с пехотой», – так я объяснял их поведение.

Они двинулись рысью, их силуэты начали медленно увеличиваться. Вот они въехали в зону поражения, ускорив бег коней.

Я прицелился, привстав на колени за стволом недавно поваленного дерева – наверное, крестьяне воровали лес в господском или государственном лесу. Рядом с этим стволом росла молодая сосна, чуть выше человека, и ее темно-

зеленая хвоя хорошо прикрывала стрелка. Базылюк занял позицию за соседними кустами, в стороне от меня. За спиной у нас была стена молодого сосняка, за которым начинался старый бор.

Іхали козаки від Дону
Підманули Халю, забрали з собою...

- вдруг вспомнилась мне песня, которую пели мужики в моих родных местах.

- Пли! – услышал я, а через мгновение довольно стройно грянул залп. Я нажал на курок, удар прикладом и дым... «Ты уже точно не вернешься на Дон», – подумал я, глядя на фигуру в серо-зеленой шинели, лежавшую на земле. Его конь остановился, глядя с удивлением на неподвижного хозяина. Я начал перезаряжать ружье, когда раздался залп второго взвода.

Похоже, казакам этого хватило, потому что они развернулись обратно, выйдя за досягаемость наших пуль. Но у меня не было иллюзий – это была только разведка боем. Теперь они знают, сколько нас примерно и где мы, и будут ждать пехоту, чтобы выкурить нас отсюда. И это наша единственная надежда, потому что пока те подойдут – стемнеет. Так считали мы с ротмистром. Как оказалось – заблуждались.

Сотня перестроилась, готовясь к следующей атаке. Я видел в подзорную трубу, как они собрались вокруг офицера, который, казалось, был мне знаком. Унтер-офицеры получали приказы, отъезжали от своих взводов. Вдруг они двинулись.

В это же время за спиной я услышал приглушенный стеной леса, но явственный залп пушек. Это те у въезда в просеку начали обстреливать наши позиции с тыла.

Если наша оборона там будет сломлена до того, как у казаков пропадет желание атаковать нас – будет плохо. А ведь она будет сломлена, хотя бы потому, что у наших кончатся патроны, а врукопашную москали одолеют нас из-за численного превосходства. Нас от них отделяла полоса леса двухкилометровой ширины, то есть через полчаса они уже могли зайти нам в тыл.

Держа в руках заряженную винтовку с наложенным штыком, я прицелился в фигуры, вырастающие перед нами. Земля гудела от конского топота.

- Базылюк, ты веришь в Бога? – бросил я в сторону скрытого за кустами вахмистра. Как-то раньше не было возможности спросить.

- Да чего там, мужицкой я веры...

- Ну так помолись, чтобы они снова испугались.

- Не испугаются, не они, – сказал вдруг Старый, присевший недалеко от нас за молодыми соснами, почти невидимый. Что он тут делает?!

- Напугать можно человека, зверя, любое живое существо, – продолжил он через мгновение. – Но они не идут по отдельности. Они – это часть его, – Старый указал рукой в сторону казацкого офицера, который, сидя на коне вне досягаемости наших выстрелов, наблюдал за атакой своих.

- Он собрал их души. Теперь он один во многих телах. Они ничего не боятся и не чувствуют боли. И будут убивать, пока вы их не убьете. С московитами легче так делать, они не такие разные.

Топот коней разрывал уши. Не было времени думать о бреде мужика.

- Огонь! – залп смел нескольких казаков, а оставшиеся летели дальше, их сабли сверкали в лучах заходящего солнца. Я перезаряжал оружие, прислушиваясь к залпу второго взвода.

Кавалеристы приближались, все увеличиваясь. И тот, в которого я целился, – тоже.

Візли, візли Халю темними лісами
Прив'язали Халю до сосни косами...

Выстрел – и когда рассеялся дым, я увидел коня без седока. И двух казаков, направившихся в мою сторону. Они объезжали сосну, когда выстрел Базылюка свалил одного из них. Другой легко перескочил через поваленное дерево, блеснула сабля, готовая к удару – и на меня взглянули пустые белки глаз. Он знал, что я не успею перезарядить ружье.

Ура! Деринджер, который я выхватил из-за голенища, еще раз спас мне жизнь. Казак лежал на земле, лицом вниз. Ура! Грохот борьбы был слышен даже среди заглушающей звуки растительности. Они продолжали атаковать несмотря на потери. Их строй распался на ряд отдельных, невидимых для меня поединков.

И тогда я увидел, как Старый двинулся быстрым шагом к коню, стоявшему рядом с первым убитым мной казаком. С расстояния нескольких метров в него целился верховой казак – но как он мог промахнуться?! Похоже, он сам удивился, выхватил саблю и двинулся в сторону мужика, выкручивая саблей «мельницу» – но Старый быстро отскочил с линии удара, ударив казака своим посохом. Тот со всего размаху наскочил на палку; я увидел, как конец посоха пробил шинель на его спине, а куски материи и кровь полетели по сторонам. Мужик выхватил палку из тела казака, почти не останавливаясь. Он быстро вскочил на осиротевшего коня и двинулся в сторону офицера, который, казалось, разглядывал нас в лучах заходящего солнца.

Тот наклонился к сумке, висевшей у седла и вытащил из нее какую-то плоскую коробочку. Он быстро открыл ее стенки, выставив ее в сторону приближающегося мужика. Что это было, иконка из полевого алтаря?

Старый ударил коня и поднял свою палку как будто для броска. Вдруг молния разорвала небо, и через мгновение гром перекрыл крики и шум выстрелов. И тогда начался ливень. Небо мгновенно покрылось тучами, и стена воды залила нас.

Укрывшись за сосной, я перезаряжал оружие, но стрелять уже было не в кого – сотня поспешно отступала среди молний, ливня и града. Пушки сзади тоже затихли.

Вглядываясь в пространство над прицелом винтовки, я услышал шаги коня. Это возвращался Старый. Он выехал из-за дерева. Перед ближайшим кустом, на размокшей земле лежал человек – это был Базылюк. Его глаза были открыты, а грудь пересекал след от удара саблей.

Дождь стихал и небо расчищалось. На пропитанной кровью одежде вахмистра блеснул православный крестик. Я закрыл ему глаза – большего для него я сделать не мог.

- Пришлось им убежать, ох, пришлось, – сказал мужик, соскочив с коня рядом со мной. – Когда один собирает души, он очень боится ударов. А тут земля мне помогает. Ему пришлось убежать. Но он вернется. Не любит он вас, ой, не любит!

Я подошел к Старому. Теперь он казался совсем обычным, но еще минуту назад, я готов был поклясться, он был больше. В поле, где так недавно гремело, теперь была тишина, я слышал свои шаги по траве. Мужик выглядел, как и прежде, только в его глазах остывала искорка насмешки.

- Кто ты такой?

- А вы не поняли?

- Я непонятливый, просвети меня, – мне совсем не хотелось шутить.

- Я здешний, тот же, что и всегда. И всегда вам, своим, помогу. Потому что я отсюда родом. Я подумал, что Базылюк не увидит своей родины за Свислочью.

- Что-то ты не очень ему помог, – я показал рукой на распростертое тело. Мужик безразлично посмотрел на останки вахмистра; последние лучи заходящего солнца играли на серебряном крестике. Он сверкнул и погас.

- Вас же берегут крестики, – сказал Старый с ноткой печали и совсем без упрека, как будто с легкой иронией. И исчез.

Варшава, 2007

Nowa Fantastyka, 6/2008

Et in Arcadia ego

“PL+50”, Краков, 2004

Старая Пороховая Башня находилась в древнем здании, расположенном у самого основания откоса, который плавно спускался к реке, и который был застроен такими же старинными зданиями. Стрежик не принимал наркотиков, поэтому там не бывал, но сейчас он шел на встречу в кафе, которое было внутри башни, раскрашенной разноцветными граффити.

Честно говоря, он уже был здесь когда-то на уроке «прижоба» – так в школе называли «приспособление к жизни в открытом обществе». В рамках школьной программы проходили занятия по альтернативному образу жизни, во время которых ученики посещали региональные и локальные центры альтернативного существования. Уже в гимназии они ходили с учителем в обычную районную нарколавку, но руководство лицея было настолько честолобово, что организовало экскурсию именно в Старую Пороховую Башню, которая тогда была на пике популярности как главный пункт распространения легких наркотиков. Он улыбнулся этому воспоминанию, проходя через ворота с микрокамерой и металлоискателем. У него не было с собой оружия, даже ножа, только парализующий газ, да и то из категории разрешенных – днем в городе должно быть спокойно.

Он прошел зал курильщиков опиума, прилавки, где продавали травку, автоматы с таблетками экстази и ЛСД, мексиканский буфет, где парень в сомбреро готовил пейотль с текилой, и перешел в кафе в следующем зале. Заказал пиво, уселся в темном уголке, откуда было видно весь зал: двое обдолбанных малолеток с волкманами в ушах, неохиппи неопределенного возраста, бормочущий мантры над бокалом вина, совокупающаяся негритянская пара в противоположном углу и скучающий бармен – больше не было никого. Под потолком в кубе из прочного плексигласа висела полицейская камера. Отсутствие подозрительных лиц еще ничего не значило – наблюдение могло вестись через эту камеру, или даже через жучки в одежде собеседника. Это последнее он, однако, исключил – и не только из-за устройств обнаружения жучков, но и из-за административных правил Службы безопасности и гигиены труда. Его миссия была нетипичной, в общем, она заключалась в обычном разговоре, смысл которого будет неясен не только для постороннего наблюдателя, но и для собеседника. Обмен высказываниями позволил бы Стрежику только разобраться

в убеждениях и характере собеседника – что не дало бы прокурору или следователю ни малейшей зацепки. Ну, может, только подверженность шовинистическим стереотипам – что само по себе не было наказуемо, по крайней мере, не в судебном порядке. Работу в школе он уже потерял, так что выражать шовинистические взгляды теперь можно было без опасений.

* * *

Вся история началась примерно полгода назад, когда через систему внутренней связи он получил текст объявления, которое должен был искать. «Даю уроки мертвого языка», а рядом адрес электронной почты. Зашифрованный ответ объяснял получателю, когда к нему придут, указывал на район, откуда будет пришедший, и даже говорил о горизонтальной структуре Организации – хотя это было всего лишь допущение, потому что сами ее члены немного о ней знали. Обратный ответ содержал номер конструкции пароля и его переменный вариант; из этих данных надо было самостоятельно воссоздать пароль, что при знании конструкции не было большой проблемой.

Дело обещало быть важным, раз намечалась встреча с кем-то, не входящим в пятерку. Подобное старались ограничивать до минимума.

Местом встречи оказалась однокомнатная квартирка в многоэтажном доме прошлого века. Из соображений безопасности большая часть квартир первого этажа была переделана в торговые помещения. Стрежик прошел мастерскую радиоэлектроники, и магазинчик, где вьетнамец продавал догбургеры. «Бюро переводов – Образовательный центр» – это здесь. Двери открылись. Стрежик увидел худого мужчину средних лет, с сосредоточенным взглядом.

– Я по поводу словаря полабского языка.

– Вы ищете первое или второе издание? – мужчина сделал приглашающий жест рукой и прошел вглубь комнаты. Он сел за стол и несколько раз стукнул пальцами по кнопкам клавиатуры – наверняка, включил табличку «Закрото» над входной дверью.

– Я ищу предпоследнее.

– Олин, сидеть! – отрывисто бросил хозяин в сторону ротвейлера, который величественно лежал на коврике под стеной, даже не заинтересовавшись Стрежилом, когда тот сел по другую сторону стола.

– Прочтите, пожалуйста.

Обе карты представляли собой компьютерную распечатку на одном большом листе бумаги, и на них не было ничего, что нельзя бы было узнать из анализа общедоступных, открытых данных. Проблема была в том, чтобы собрать все

эти данные, и опубликовать их так, чтобы они стали доступны для широких масс – по правде, это было невозможно.

Карта №1 представляла территорию Группы Еврорегионов Висла-Одра, как теперь чаще называли территорию бывшей Республики Польша. В общем, никто никогда не отменял старого названия, оно даже появлялось в официальных периодических изданиях, некоторых правительственных публикациях и в ежегодном обращении президента Польши – то есть в текстах, которые не читают те, кто не должен. Во всех других местах господствовало название «ГЕВО». Компьютерные программы подчеркивали «Республика Польша» как ошибку, а самые новые версии автоматически заменяли это выражение широкоиспользуемой аббревиатурой названия Группы.

Что поражало в этой карте – необычные цвета: хорошо знакомая мозаика еврорегионов, автономных регионов, поветов и гмин не соответствовала этой какофонии красок. Табличка с легендой все объясняла – карта представляла этническую ситуацию на территории ГЕВО. Контур границ Польши, используемый в пропагандистских материалах Организации, а внутри сетка других границ и слабо соотносящиеся с ними разноцветные пятна.

– Посмотрите, пожалуйста, на Надвислинский Еврорегион.

В глаза бросалась мозаика этнических районов Варшавы, а на юг от нее, вдоль левого берега Вислы по самую Пилицу – тянулся пояс турецких поселений, занимавший лучшие почвы вблизи крупного варшавского рынка сбыта сельскохозяйственной продукции. Турки, переселенные сюда из-под Берлина, оказались очень талантливыми фермерами. Продолговатое голубое пятно под Плоцком означало голландские заливные террасы, темное пятно рядом – немецкий микрорегион Plotzk im E.T.A. Hoffmann, а черные кружки – автономные еврейские районы Плоцка, Сохачева, Ловича, Цеханова, Пултуска и Варки; другим цветом были обозначены районы компактного расселения афроевропейцев. От этого фона резко отличались восточные поветы Еврорегиона, растянувшиеся по самый Сувалкинский Коридор; здесь процент коренного населения хоть и был лишь немного больше среднего, но структура расселения была кардинально другой. Не было здесь анклавов компактного проживания чужаков, кроме крупных городов, не считая «Сечи Полесской», как неофициально называли Автономный Семятыцко-Хайновский регион, расположенный между средним Бугом и верхней Наровой. Но и там преобладали украинцы с примесью поляков. Кроме кружочка еврейского района в Бельске Полесском, у западных границ «Сечи», на карте в этом месте не было других цветов. А на уровне гмин и маленьких городков доминировало польское население.

– Посмотрите.

Мужчина показал Стрежику еще одну карту с поветами: от границ Еврорегиона Восточная Пруссия до Экстерриториальной Зоны Памяти «Треблинка». Здесь была представлена этническая ситуация без учета крупных городов – и количественное превосходство коренного населения было просто подавляющим. Особенно заметно это было на территории Зелёной Пущи и Южнокурпской Пущи (бывшей Белой Пущи, название которой кто-то когда-то поменял, потому что оно звучало слишком расистски).

– Это территория уникальна не только своим этническим составом, но и своими размерами. Есть несколько подобных территорий, но не таких обширных. Причины разные: качество почв, уровень лесистости и заболоченности, коэффициент урбанизации. Достаточно уже того, что здесь легко добиться значительного количественного превосходства наших, и почти без необходимости силовых действий, который могли бы вызвать активное сопротивление, – хозяин замолчал, но Стрежик не стал прерывать этого молчания. – Принято постановление, согласно которому именно там будет реализован проект «Аркадия», – продолжил мужчина, – отличающийся от всех предыдущих проектов Организации.

Тогда Стрежик понял, что дело серьезно: в разговорах не только не использовалось название Организации, но и сами мысли формулировались так, чтобы не было ясно, что это дело – ее акция. Даже от использования криптонимов старались воздержаться.

– Цель проекта – привести к таким изменениям на данной территории, чтобы наше превосходство стало там подавляющим, чтобы процент тех, кто находится под влиянием Организации, был настолько высок, что мы могли бы влиять там на политику, на общественный климат. И дело не только в том, чтобы выбрали белого из «Инициативной группы Мультирасовая Варшава» или Союза «Никогда больше». Нужно направить туда тайный поток поселенцев: людей с нашими взглядами, с определенными чертами характера. Относительно молодых или среднего возраста. Они должны быть предприимчивыми, с общественной жилкой, но прежде всего – они должны хотеть защищаться. Вы меня понимаете?

Стрежик кивнул. Уже в школе у него были с этим проблемы. Система образования была разработана таким образом, чтобы уничтожить инстинкт самосохранения у коренных жителей. В школах суровой нападавших наказывали тех, кто что-нибудь этим нападавшим сделал, обороняясь, – особенно, если нападавшими были черные (жёлтые обычно ходили в собственные школы). Подобными случаями занималась Молодежная Лига Антирасистов, а характеристика ее представителя входила в личное дело каждого ученика, даже если он не был членом МЛА. Право вынужденной самообороны осталось в кодексе, но тот, кто, например, защищая свое имущество, ранил грабителя, получал более

строгое наказание, чем сам грабитель. А если еще добавить, что местным жителям от начальной школы и до окончания университета прививали чувство вины (экзамен по истории Холокоста был даже в технических ВУЗах)... Стрежик иногда удивлялся, как это среди «народа подонков и нацистских прихвостней» (определение известного интеллектуала и антифашиста Рафаэля Санковского) вообще появилось что-то такое, как Организация.

Выходя от Зяблика (он все-таки узнал псевдоним собеседника, что означало, что теперь они будут сотрудничать чаще), Стрежик посмотрел на напечатанное готическим шрифтом стихотворение в рамке, под старинной фотографией, на которой был как будто какой-то этнографический парк.

Katu mes santik bayt

Stzezik mes santik bayt

– Это на каком?

– Это все, что осталось от литературы полабян, а точнее древлян, их самого западного племени. Не считая фирмы, полабяне – мое хобби, – и Зяблик печально усмехнулся.

* * *

Задание было легким и трудным одновременно. Легким, потому что не было связано с таким риском, как, например, установка бомбы. Трудным, потому что человеческая воля и мысли – непростой материал для обработки. А трудностью был не только людской материал, его натуральное нежелание рисковать, являвшееся проявлением инстинкта самосохранения. Большой проблемой было то, что люди – даже те, у которых доставало воли – были полны того, что им вбивали в головы в процессе воспитания. Так что главным противником Организации была не Служба Безопасности Открытого Общества, и даже не военизированные группировки этнических меньшинств, а школа и СМИ, пропагандируемая ими модель воспитания и сама суть современной культуры.

Стрежик посмотрел на часы. Первый его собеседник стоял в дверях, с пивом, оглядывая зал. Увидев Стрежика, он улыбнулся и помахал рукой.

– Я не знал, что ты любишь такие места, – Жецкий неопределенно пожал плечами.

– Такие?

– Ну, знаешь... Сейчас-то тут тихо, но вечером будет бардак. Хотя по сравнению с тем, что было здесь пару лет назад...

Стрежик кивнул. Теперь здесь было меньше клиентов, после того, как в заброшенном костёле святого Мартина, находившемся неподалёку, открылась «Новая Пороховая Башня». Выражение «да поможет тебе святой Мартин» прочно вошло в сленг наркоманов.

– Я думал, что это место подойдёт тебе, потому что недалеко от твоей работы.

– Да, но у нас праздник, так что все равно пришлось бы ехать из дома. Хотя сегодня мне и так пришлось попахать, так что хорошо получилось, – и он кивнул головой и потянул пиво.

И правда, сегодня был праздник: 19 апреля, годовщина восстания в Варшавском гетто, выходной во всем Надвислинском Еврорегионе. Но такие мелкие предприниматели, как его собеседник, часто вынуждены были отказываться от праздников и выходных. И дело было не в желании заработать, а в том, что каждый легальный предприниматель вынужден был вести сложнейшую бухгалтерию, даже в том случае, если его единственным работником был он сам. Риск контроля со стороны Государственной Торговой Инспекции, Высшей Контрольной Палаты, санэпида, городской полиции, полиции обычной, а прежде всего Финансовой Гвардии был слишком большим.

– Бумагомарательство? – скорее утвердительно произнес Стрежик.

– Именно. Ну да ладно, сегодня можно об этом больше не думать, – Жецкий расслабился и сделал еще глоток пива.

– Как ты со всем этим справляешься? – Стрежик много об этом слышал, но огромность бюрократического идиотизма с одной стороны, и неисчерпаемая изобретательность с другой всегда его удивляли. А с собеседником они уже были знакомы настолько, что могли позволить себе немного искренности с глазу на глаз.

– Вам, учителям, проще. Никто вас не преследует за халтурку, может быть потому, что дети тех, кто работает в Финансовой Гвардии, тоже иногда нуждаются в репетиторах. А мелкий предприниматель – это для них промысловый зверь. Ну а так, сам подумай, на кого им еще охотиться?

– Не понимаю.

– Ну, смотри. С такого как ты они максимум вытянут пару старых учебников. Черного бизнеса они или боятся, или с ним договариваются. А крупнейшие легальные фирмы всегда ведут двойную бухгалтерию, и нанимают для этого лучших специалистов. Там все легально. И никого не удивляет, что у фирмы, которая двадцать лет на рынке, нулевой или даже отрицательный баланс – и она ничего не платит в казну. Там бухгалтеры действительно лучше любых ревизоров, а в случае, если что-то пойдет не так, у их начальства всегда есть

нужные знакомства. Ну и за счет кого тогда государству обогащаться? Только за счет такого середнячка, потому что у него кое-что есть, что можно отнять, и в то же время ему не хватит денег нанять волшебника для оформления всех бумаг. Приходится самому играть с налоговой, – закончил Жецкий печально.

– И как, у тебя получается?

– Уверенно вперед!

Оба рассмеялись. Это был предвыборный лозунг ЛДС (Либерально-Демократического Союза), главной мейнстримовой партии Надвислинского Еврорегиона. Лозунг относился, похоже, к уверенному преодолению трудностей в построении открытого общества в ГЕВО.

– А если серьезно, – Жецкий сделал еще один глоток, – то единственный выход – двойная бухгалтерия.

Он не выдал никакой тайны, об этом знали все.

– Ты слышал, что в Семятыцко-Хайновском регионе налоги на прибыль №15 и №26 были полностью отменены, а налоги №16–24 были отменены на неопределенное время? И чтобы получить ИНН, предпринимателю теперь нужно заполнить всего 8 бланков? – спросил Стрежик.

– Слышал. А ты, наверное, не знаешь, потому что газетчики этого не написали, что когда туда приехали ревизоры Финансовой Гвардии, хохлы подбили одну из их машин из ручного гранатомёта. И сразу же обратились в Страсбург с иском о дискриминации. Но они-то могут назвать себя дискриминируемым меньшинством и, согласно правилу позитивной дискриминации, правда будет на их стороне. А у нас это не пройдет: сразу посадят за национализм.

Стрежик знал об этом, но своих знаний не афишировал, чтобы не возбудить у собеседника подозрений. Если Жецкий узнал эту информацию не из частного разговора (что было маловероятно), то наверняка прочитал об этом на одной из интернет-страниц, зарегистрированных в США, Австралии или Гренадском Эмирате. Все они были закодированы, а их декодирование на территории Евросоюза считалось уголовным преступлением.

– Знаешь, если бы у нас был такой микрорегион, где мы были бы почти одни...

– Старик, я сам собирался это сказать! Но ведь приходится быть реалистом – где ты такое чудо найдешь?

– Ну, тогда за реализм, – они чокнулись кружками.

Стрежик узнал из этого разговора все, что ему было нужно. И он мог со спокойной совестью причислить ничего не подозревающего собеседника к будущим жителям Аркадии.

* * *

Следующая встреча должна была состояться в южной части города, куда пришлось ехать в метро. Стрежик дошел до станции «Банковская площадь» и занял место у окна вагона. На Свентокшиской поезд стоял дольше, чем обычно. Окно, у которого сидел Стрежик, выходило как раз на забор, отделявший перрон Еврейского Района. С одной стороны рамки металлоискателя сидел городской полицейский, с другой – районный полицейский, с нарукавной повязкой, на которой был изображен знак – комбинация звезды Давида и Сиренки¹⁸.

Поезд двинулся дальше, и уже через минуту был на станции «Центр», через которую, как обычно, валила многоязычная, многорасовая толпа. Соседнее место занял турок, что Стрежик понял по газете, которую тот читал. На станции «Политехническая» был выход в Немецкий Район, через площадь Кавалерии (когда-то она наверняка называлась по-другому, подумал Стрежик), в сторону площади Европейского Союза и аллеи Шуха, в конце которой стоял огромный памятник польско-немецкой дружбы, обозначавший одновременно границу Deutsche Viertel in Warschau.

Они проехали Мокотовское Поле. Стрежик улыбнулся воспоминаниям. Он любил там гулять, еще до того, как Мокотовское Поле стало Полем Цыганским, а Центральная Библиотека ГЕВО стала платной. Поле сменило название в очень забавных обстоятельствах, он хорошо это помнил. Произошло это, когда он уже был студентом. Тогда в рамках фестиваля Мультикультурная Варшава сюда пригласили из Словакии – а точнее, из Цыганского Автономного Региона Верхний Ваг, – целый цыганский табор; незадолго до этого там как раз начались серьезные беспорядки. Намерения были понятны: власти города хотели выслужиться перед Еврокомиссией. Табор был расселен в пустующем здании Службы Патентов (ликвидированной, потому что все патенты регистрировались напрямую в Брюсселе), и на прилегающей к нему части Поля. Когда фестиваль закончился, бароны заявили, что в их родном Верхнем Ваге ситуация все еще нестабильна из-за свирепствующего словацкого национализма, да и к тому же там перенаселение, а в Варшаве, как оказалось, есть еще свободное место, и потому европейская солидарность требует... Через некоторое время власти приняли это «обогащение этнического разнообразия мультикультурной Варшавы», как написала «Газета Выборча». Принятие переселенцев Польским Цыганским Союзом (удивительно, но заставить их называться надвислинскими

---

¹⁸ Символ Варшавы.

цыганами никто не смог) произошло значительно позже. Приятель, работавший в полиции, рассказывал Стрежику, что еще два года после переселения количество вылавливаемых в Висле цыганских трупов значительно превышало средние показатели за предыдущие десять лет.

Стрежик вышел на Вилановской и отправился в один из местных ресторанчиков. Там должна была пройти встреча с писательницей Галадриэль Масляк, после которой он должен был поговорить еще с одним человеком.

* * *

Еще в университете он задумывался, зачем система сохраняет такую вещь, как польская литература.

С одной стороны – количество ее читателей было крайне мало, и ликвидация дотаций для пары газет, страничек в интернете и получасовой литературной программы, раз в месяц транслируемой по общественному ТВ, осталась бы почти незамеченной. Интересно, жители Афин заметили уничтожение Академии Платона? А ведь закончилась целая эпоха.

С другой стороны – в человеке есть творческие силы, пробуждающиеся даже в самых неблагоприятных условиях. У нас, вследствие исторических и культурных условий, эта творческая сила проявлялась ярче всего именно в литературе. Даже выдвленная на самый край – и оставшаяся вне контроля со стороны системы – литература могла бы стать источником неприятностей. А так – лучше содержать структуры и людей, которые будут фильтровать её влияние, тем более, что стоит это совсем немного – так он себе это объяснял. К тому же, такие структуры можно использовать для подачи специфических сигналов – как, например, тогда, когда премию Нике¹⁹ первый раз за 23 года получил человек, который не был штатным или внештатным сотрудником «Газеты Выборчей». Стрежик уже тогда был в Организации и хорошо помнил, что этот факт использовали в качестве аргумента во время дискуссий о возможности эволюции системы.

Когда он пришел, встреча уже началась. Своего собеседника он увидел в одном из первых рядов, сам же остановился в последнем. В президиуме, рядом с Галадриэль, сидела ведущая Анна Фляйшфарб из Фонда Батория, финансировавшего встречу. По правде, слово «президиум» не соответствовало реальности: при большинстве общественных собраний решено было отказаться от традиционных трибун президиума, как от проявления антидемократического архетипа. Собравшихся рассаживали концентрическими кругами, а у одного

---

¹⁹ Престижная польская литературная премия.

края самого большого из них ставили столики с микрофонами и прочим оборудованием – что, по сути, было тем самым президиумом. Ну, зато был подчеркнут демократизм.

Галадриэль как раз закончила презентацию своей новой книги о флюпах²⁰ и начались вопросы. Книга была записью внутреннего монолога одного из представителей субкультуры флюпов после поглощения внушительных количеств алкоголя и наркотиков. Все это было дополнено фотографиями, которые автор, вслед за флюпами, называла «коллекцией королевских павлинов», т.е. особенно обильной и привлекательной блевотиной, являвшейся результатом совместных алкогольно-наркотических попок. Представители субкультуры собирались на подобные «сессии», и когда у всех появлялось желание «напавлинить», они брались за руки, создав таким образом круг, и блевали в середину. Это символизировало желание восстановления общности в атомизированном и индустриализированном мире.

Связи флюпов с дадаизмом, коллективным анархизмом или фовизмом Стрежика не интересовали, поэтому окончание встречи он приветствовал с облегчением. Потом вместе с Петром он перешел в соседнее кафе.

– Масляк определённо слишком раскручена, – комментировал Пётр, помешивая ложечкой кофе, – а этот её тезис о том, что флюпы вдохновляются идеями дадаистов просто притянут за уши. Хотя, если она так считает...

Согласно этикету, использование слишком однозначной формулировки могло посчитаться бестактным. Убеждение это было связано с одним из главных правил открытого общества: нет правды, есть только мнения. А уважение для человеческой личности («человеческой души», как писали системные христианские мыслители – ведь надо же было им хоть чем-то отличаться от светских!) требовало уважения к каждому её мнению. В том числе и к такому, согласно которому заблёванные плитки считались произведением искусства.

– Старик, не надо нести херню, – Стрежик знал Петра достаточно, чтобы говорить напрямую. – Вся эта её книжка – дерьмо, и ты знаешь это не хуже меня. Только шумиха в СМИ немножко тебя пугает, поэтому ты и притворяешься, даже в разговоре со мной.

Пётр кисло усмехнулся – Стрежик попал в десятку.

– Знаешь, – продолжал Стрежик, – у меня есть своя собственная теория, что считать искусством, а что нет. Я додумался до этого, когда размышлял, почему

---

²⁰ Слово впервые появилось в стихотворении авангардиста Збигнева Сайнуга «Flupy z pizdy».

живопись определённо заканчивается для меня импрессионизмом. Так вот, искусство – это то, чего я сам повторить не смогу. Поэтому я и считаю искусством картины Тарасевича, поскольку, несмотря на их простоту, я никогда бы не смог так точно сократить борозды земли до несколько простых, но в то же время ясно воспринимаемых и понимаемых линий. Не говоря уж о том, что мне бы вряд ли пришло такое в голову. А вот инсталляция, составленная из старого компьютера, стиральной машины и деревянного шкафа искусством не будет, даже если мы снабдим её комментарием о том, что имелись в виду размышления над мимолётностью бытия или что-то такое же возвышенное. Настоящее искусство не нуждается в комментариях.

– Ну, хорошо, даже если ты и прав, то куда нас такие размышления приведут?
– Пётр легко вникал в суть вещей и за это Стрежик его ценил. – Представим, что мы вернём каноны красоты, и, тем самым, понятие уродства, что сегодня возможно, наверное, только по решению суда. К чему мы тогда вернёмся? К понятию объективной правды и лжи – сначала в искусстве. Но сразу же найдутся те, кто скажет, что раз правда и ложь существуют в эстетике, они могут существовать и в этике. А отсюда всего лишь шаг до возвращения этих категорий в политику. Если мы рассматриваем своего оппонента как кого-то плохого, а не только хорошего по-другому, имеющего другую, отличную от моей, но имеющую право на существование систему ценностей – то мы стремимся к его уничтожению, а не к компромиссу с ним. Это логично. Разве можно искать компромисс или вести дискуссии с бактериями чумы? Чуму уничтожают. А значит, возвращая понятия красоты и уродства, мы вернёмся в эпоху фанатизма, которую, как европейцы, мы решительно завершили. А чем это грозит? Посмотри на новости из Гренады.

Действительно, Эмират часто упоминался в СМИ, хотя для Евросоюза проблемой был не сам Эмират, а стоящий за ним Халифат. И папахивало какой-то новой игрой; кто знает, не были ли связаны политические послабления в ГЕВО с тем, что Брюссель боялся появления новой горячей точки.

– Мусульмане достигли того, чего достигли, как раз благодаря вере в свою правоту. Ты сам когда-то говорил, что отсутствие подобной веры мешает нам защищать наши интересы.

– Но разве можем мы защищать свои интересы теми же методами, что и они? Мы же станем тогда такими же. Помнишь, мы как-то разговаривали о беженцах из Палестины. Когда мы принимали первых беженцев, еще перед уничтожением Яффы, я был в лицее и уже интересовался политикой. Я сам тогда додумался, что не все положительные последствия того решения, о которых говорили по ТВ, – это правда. И я даже понял, что могут появиться трудности. Но разве мы могли их так бросить посреди моря?

– Во-первых, не посреди моря. У них есть собратья в США. Если они так о них беспокоятся, то почему же не выделили им кусочка Орегона, который был бы больше всего государства Израиль? Ведь уничтожение Яффы пережило чуть меньше двух миллионов евреев, а возможное сопротивление конгрессменов из Наций Ислама тогда еще ничего не значило.

Стрежик вспомнил, как несколько лет назад Организация выпустила на рынок компьютерную игру, рассказывавшую о последних днях Израиля. Начиналась она с ядерной бомбы, которую ХАМАС тайком провез в Тель-Авив, а заканчивалась флотилией кораблей с беженцами в Средиземном море. Выигрыш зависел от того, сколько кораблей потопил игрок.

– Но ведь у них связь с этой землей, а не с Орегоном! И право собственности... Да что тебе объяснять! Ты историк и знаешь это лучше меня.

– Да, и я знаю, что право собственности – это фикция, а историческая связь сефардских евреев²¹ или фалашей²² с Польшей – глупая шутка.

– Ладно, – Пётр улыбнулся этим фалашам. – Нам нужно защищать свои интересы. Но мы должны делать это в рамках норм европейской цивилизации, к которой мы принадлежим – ведь мы годами вырабатывали эти нормы.

– Суть в том, что эти нормы не позволяют нам эффективно защищаться. В частных разговорах все соглашались, что невозможно, ну просто невыносимо жить в районе афроевропейцев, даже в бронезилете и противогазе. Ну и что с того, если написать об этом мы не можем, под страхом применения статьи о «разжигании расовой ненависти»?! Если мы не можем назвать зло, то как с ним бороться?

– А нужно ли бороться? То, чем мы, как общество, можем гордиться – это наша культура. Это она помогла нам пережить времена захватов и тоталитаризмов – причём больше, чем все проигранные восстания. В прошлом мы без принуждения ассимилировали украинцев, литовцев, немцев, даже армян и татар – благодаря силе нашей культуры. Почему ты считаешь, что это невозможно в случае с турками, или даже с этими несчастными неграми?

Видимо, этот вопрос его действительно беспокоил, раз он забылся и употребил политически некорректное слово. Но брать его в Аркадию – точно плохая мысль.

---

²¹ Ладиноязычные евреи Испании и Португалии, после Реконксты по большей части переселились в Османскую империю.

²² Темнокожие эфиопские иудеи.

– Пётр, у нашей культуры сейчас лицо Галадриэль Масляк. А точнее – сфотографированной ею блевотины.

* * *

Встреча на Тарговеке должна была стать последней в этот день; оттуда Стрежик мог легко добраться до дома. Он вышел у Еврейского кладбища, хотя до места встречи было еще довольно далеко. Он прошел весь этот путь пешком, минуя улочки и дома первой половины 20 века; их проходные дворы прекрасно подходили для того, чтобы проверить, нет ли за ним хвоста. В общем, подобные методы работы полиция уже почти не применяла – их заменили камеры на перекрёстках, сканеры сетчатки на входах в учреждения, постоянное прослушивание. Однако в таких районах, как Таргоvek или Старая Прага время жизни подобных устройств было очень коротким. Их закрашивание, отключение, заклеивание пластмассой стали своего рода спортом, даже несмотря на грозящее наказание. Другое дело, что для большинства жителей этих районов условный срок или короткая отсидка в случае рецидива не были чем-то пугающим. Оборудование слежения позволяло им проявлять скрытые актёрские таланты. Любимым развлечением была попытка угона собственного автомобиля прямо под объективом полицейской камеры. Патруль, прибывший на место происшествия, узнавал, что владелец машины как раз забыл где-то ключи. Поэтому постепенно и без лишнего шума в некоторых районах система мониторинга была ликвидирована, и камеры остались лишь в местах, которые легко было контролировать – например, на площади им. Ниссенбаумов23, прямо напротив круглосуточного полицейского поста у входа на Еврейское кладбище, от которого Стрежик как раз удалялся.

Когда он уже подходил к условленному месту – маленькому вьетнамскому бару на пересечении двух улиц, начался дождь. Стрежик ускорил шаги, надеясь получить у жёлтого чашечку горячего чая. Но оказалось, что хозяин бара тоже празднует годовщину еврейского восстания в Варшавском гетто, потому что всё было закрыто. Зонтики над столами были сложены, а под маленьким крылечком спрятаться от дождя не получилось. На улице не было ни души, ливень прогнал немногочисленных в праздник прохожих. «И переждать негде», – подумал Стрежик, обходя бар. Придется подождать своего собеседника еще минут пятнадцать. Лило как из ведра.

И тогда он увидел это место. Бар вьетнамца состоял из трёх жестяных модулей, соединённых в форме буквы П, верхняя часть которой примыкала к главной улице. Один модуль был перпендикулярен улице, за другим был небольшой газончик с клумбой. Ища укрытия от дождя, Стрежик зашел внутрь «буквы». Сначала он подумал, что хозяин устроил тут небольшой сад. Но это не был

---

²³ Основатели Фонда Ниссенбаумов, главной заявленной целью которого являлось «сохранение следов еврейской культуры на территории Польши».

сад. Четыре низких каменных столбика, соединённые ржавой цепью, а внутри – почерневшая плита с едва различимой надписью: «Здесь, 1 июля 1944 года погибли за свободу Родины солдаты Армии Крайовой: капрал «Ястреб», взводный «Кабан». Слава их памяти!». Плита была очень грязной, ему пришлось вытащить из кармана старомодный металлический ключ и счищать грязь с букв. Рядом с одним из столбиков стояла банка из-под пива. Однако никаких намеренных повреждений Стрежик не увидел. Вьетнамцу, наверняка, эта плита была безразлична, а вполне понятное нежелание привлечь к себе внимание властей удерживало его от самовольного уничтожения памятника или от письменного обращения с просьбой о его демонтаже. Стрежик вспомнил, что еще в детстве видел в городе такие плиты. Официально их не убрали; они исчезали при модернизации улиц, новой застройке, или когда на время ремонта их отдавали в реставрацию. Он уже и не помнил, когда видел последнюю подобную плиту. Давным-давно.

Конечно, он знал, о чем они напоминали – многое он прочитал сам, да и Организации заботилась о просвещении своих членов. Но, несмотря на это, времена, в которые жили те двое, лежащие здесь, казались ему очень далёкими, почти нереальными; с таким же успехом могли тут лежать средневековые рыцари или самураи. Самураи, к тому же, были ему ближе, потому что в лице он занимался искусством боя, и знал настоящих поклонников этого дела, для которых древние мастера меча были живыми и важными фигурами. Но с этими двумя его поколения не связывало ничего, кроме искаженного языка и биологического единства. Хотя, учитывая процент смешанных браков, об этой биологической связи можно было бы и поспорить. Существование Организации ничего не меняло: Стрежик знал, что такие как он составляют лишь незначительное меньшинство.

Плита была открыткой с того света. Дождь смыл часть грязи, которую Стрежик вычистил ключом. Он выглянул наружу. Никто не подходил. Стало понятно, что встреча не состоится. Впрочем, можно было идти домой, но он вернулся к плите. Она притягивала его, неизвестно почему. Интересно, что бы сказали эти двое, если бы увидели сейчас свой город. Известно, что. Но, наверное, они бы не поверили, что город стал таким без единого выстрела. Гитлер и Сталин действовали силой, что вызывало сопротивление сотен тысяч людей. А оказалось, что не нужны никакие дивизии, что можно сделать почти то же самое только при помощи денег, слов и телевидения, и тогда никакие «Кабаны» и «Ястребы» не выйдут из лесов наших предместий.

Дождь закончился, но Стрежик всё не хотел уходить. С клумбы рядом он сорвал цветок. Подумал, что завтра хозяин бара уберет его и даже не узнает, как и почему он там оказался. Ну и хуй с ним. Он положил цветок на плиту, еще раз посмотрев на омытые дождём буквы.

лето, 2003.

Сабля венгра

Варшава, июнь-июль 2008

Ласло Фельдесси прибыл к нам сразу после формирования отряда ротмистра Равицкого. Чужестранцы в рядах восставших иногда встречались, но появление венгра в Мазовии, довольно далеко от галицийской границы, было событием из ряда вон выходящим. И раз уж мы заговорили о чужеземцах среди повстанцев – как я уже отмечал, часть наших расчетов на успех была связана именно с переходом молодых офицеров Москвы на нашу сторону. И рассчитывали мы не только на поляков, служащих Москве, но и на самых настоящих москалей. А иначе трудно понять решение о восстании, если не принимать во внимание подобных расчетов – ведь антицарские, освободительные, и, по крайней мере, реформаторские настроения были тогда весьма популярны среди офицеров, особенно младших возрастом и званием. И почти не случалось застолий или дискуссий, где бы ни было мятежников в мундирах. Однако человек иначе говорит о себе среди друзей, а последствия подобных разговоров прикрывает завесой будущего – ведь, хотя такие последствия и можно в некоторой степени предвидеть, они не очевидны. Но наступает момент, когда необходимо расплачиваться за сказанные слова – пан или пропал, и ничего посредине – и у человека срабатывает инстинкт самосохранения. Та его разновидность, которую называют конформизмом. Широкая дорога, которую открывает перед человеком служба Империи – против надежд горстки мечтателей.... И что, например, скажет мать, живущая где-то на огромной равнине между Олонецкой и Таврической губерниями, когда узнает, что ее сын оставил армию своего царя и переметнулся к мятежникам? Потеряв при этом все шансы на карьеру и помощь для своей, зачастую бедной, семьи? И полбеда, если бы просто переметнулся – а если придется стрелять в своих, в тех, что еще вчера были своими? Убить какого-нибудь начальника штаба или командира роты – может быть, он придиричив и злобен, а его недостаток образования и ограниченность взглядов (вполне естественная черта офицеров, воспитанных во времена Николая I) могут нас раздражать – но, чтобы сразу убить? А ведь придется...

В некоторой степени я понимаю тех антимоноархически настроенных русских, которые в ту январскую ночь все же решили защищать царский режим, хоть и говорили до предыдущего вечера, что поступят по-другому. И тем более я уважал таких, как Потебня²⁴ или Подхалузин²⁵, тех, кто окончательно порвал с царизмом, перейдя с оружием в руках на нашу сторону.

---

²⁴ Андрей Афанасьевич Потебня (1838-1863) – основатель тайного Комитета Русских Офицеров Польши, революционер.

²⁵ Митрофан Подхалузин (1841-1866) – казацкий юнкер, командир окульского батальона повстанцев.

Легче было присоединиться к нам чужеземцам из-за границ Империи, для которых служба в наших рядах была проявлением борьбы за свободу. А у венгров, к тому же, была еще жажда реванша за 1849 год²⁶.

Фельдесси перешел галицийскую границу с отрядом Жальплахты²⁷ (он знал его еще по службе в австрийской армии), разделив судьбу отряда до самой катастрофы под Моложовом. Там, раненый, он спрятался в какой-то усадьбе, хозяева которой, когда он немного поправился, выслали его вглубь страны, к своим знакомым, людям надежным, но далеким от народной организации. Он сам не хотел возвращаться в Галицию, но собирался, после окончательного выздоровления, присоединиться к какому-нибудь отряду. У тех людей, к которым он попал, были родственники в нашей стороне, он приехал к ним, а оттуда его направили в наш отряд. Равицкий был рад, увидев, что это вымуштрованный в регулярной армии солдат, а его эпопея доказывала, что он полон боевого задора. К тому же он прибыл к нам с парой собственных пистолетов и саблей-баториевкой. Он неплохо говорил по-польски, потому что пару лет служил в Галиции, а несколько недель пребывания на территории Королевства помогли ему улучшить язык.

Эта немного антикварная сабля сразу бросилась нам в глаза, она была прекрасно сбалансирована и удобно лежала в ладони. Ни одна из наших сабель, ни один из палашей не могли сравниться с ней, кроме, может быть, лезгинской сабли одного из унтер-офицеров, попавшего в наш отряд из царского войска очень непростым путем. В молодости его забрали в солдаты и отправили служить на Кавказ. Там, вместе с другими, он сбежал к Шамилю, где встретил земляков. Ему там понравилось, да и чеченцы ценили таких – не столько как воинов, ведь чеченцы сами, наверное, лучшие воины на свете, но как технических специалистов. Плохо было у них в горах с артиллеристами и саперами.

– А воевали мы все равно с москалями, так что я мог как будто и за нашу страну воевать, хоть бы и до последней капли чеченской крови. Но когда до меня дошли вести о восстании в Польше – я понял, что здесь от меня будет больше толку.

По дороге к нам ему представилась возможность поближе познакомиться с русской глубинкой и особенностями русского быта, одной из которых была многочисленность среди крестьян сект, скрытых от стороннего наблюдателя видимым единством православия. Было это для него важно, потому что нередко сектанты дружелюбно относились к дезертиру, т.е. предполагаемому

---

²⁶ В 1849 году российские и австрийские войска подавили освободительную революцию венгерского народа.

²⁷ Ян Жальплахта («Запалович») (1834-1894) – австрийский офицер, командир батальона повстанцев.

врагу царя, который для них был сатаной. Не всех сектантов он встречал лично, о некоторых только слышал.

– Молокане, скопцы, хлысты, – он терпеливо перечислял названия, которые запомнил, – раскольники-поповцы и беспоповцы. Духоборы – эти очень хорошие хозяева, богатые. Но самые удивительные – это коловники. Они считают, что спасение можно обеспечить уже в этой жизни, если переделать свое естество путем строжайшей трехлетней аскезы. Кроме регулярных молитв и бичевания – пост; почти ничего, кроме хлеба да воды. И алкоголя нельзя. Зато потом человек становится частью божьей природы – и уже на земле.

Я слушал одним ухом, думая, что он своими словами рассказывает мне о месалианской ереси, существовавшей в православии еще со времен Юстиниана.

– Общая черта многих сект, особенно ярко выраженная у коловников, – трудолюбие их последователей, как будто моление работой. Ибо сказано, что Бог в седьмой день отдыхал, а значит, предыдущие шесть дней были наполнены работой. Работа не может быть только наказанием, им она была для Адама, но это не исчерпывает ее сути; ведь работа – это божий дар, позволяющий изменить себя и мир. И в раю будет работа, хоть легкая и приносящая только радость; рай они представляют себе как большую деревню, щедро наделенную землей, чистой водой, садами, пасеками и всяческим добром. Рай раем, но сам он не появится, будет и там работа, в том числе и не самая чистая. И в этом они видят шанс для людей вне секты – те приговорены к вечным мучениям, но даже против их воли можно обеспечить им спасение. Главное условие – пережить страшную боль, как будто сокращенную версию добровольного трехлетнего самоистязания. Ведь страдание – путь к спасению, а если оно велико – то даже недобровольное.

Они схватывают юношу, который раньше отказывался вступать в секту. Заметьте, он знает тех, кто ему это предлагал, и может выдать их властям. Связанного, его перевозят в какое-нибудь глухое место и там насаживают на кол, да так, чтобы не повредить внутренние органы; тогда он может провисеть живым больше 10 часов. Кол зарывают в землю, а окружающие молятся и поют псалмы. Когда человек умирает, они убеждены, что он попадает в рай – и так они избавляются от опасного свидетеля, обретая к тому же помощника на том свете. А мертвого считают спасенным, полагая, что принесли ему, в конце концов, пользу и не обидели. Из-за подобных практик их активно преследуют, и встретить их очень трудно.

Его дорога с Кавказа на Вислу – это отдельный длинный рассказ; достаточно, что он явился в наш отряд с чудно украшенной кавказской саблей. Только она могла сравниться с саблей венгра.

Чуть раньше ротмистр Равицкий получил информацию от гражданского начальника повета о купце, который собирался продать большое количество амуниции. Купец, местный еврей по имени Янкель Блюмштейн, доверия не вызывал – начальник повета знал о его связях с московскими офицерами. Патроны в больших количествах и по низкой цене, в наших сторонах, далеко от границы, могли происходить только из запасов москвитов, а значит, все, что было связано с их покупкой, должно было оставаться в тайне. А трудности с боеприпасами у нас были почти всегда, и разнообразие нашего оружия только ухудшало ситуацию. А еще добавлю, что случилось это как раз после того, как наши взяли Главную Казну Королевства Польского, добыв таким образом 3,6 миллиона рублей – сумму, которую невозможно было даже представить. Из них 42 тысячи золотыми рублями, а остальное – банкноты и закладные. Тогда мы еще не знали, что у московского правительства были номера этих закладных, что сделало невозможным их реализацию – нам осталось немного. Но, тем не менее, в воздухе повеяло редким в наших сторонах ароматом финансового оптимизма; я знал, что Равицкий получил какие-то деньги и рассчитывал укомплектовать наши запасы оружия и боеприпасов – и потому решился на сделку, приняв все меры предосторожности. Сделка должна была пройти следующим образом: купец с двумя телегами патронов приедет на место, где дорога пересекает лес. Начинаясь за лесом поля давали прекрасную возможность для наблюдения, а лес – возможность бегства в случае опасности. Под прикрытием деревьев нам надо было очень быстро разгрузить телеги – и раствориться в зеленом море. А если бы купец привел за собой москалей – мы могли бы легко отступить или даже отбить их атаку, потому что характер местности сводил на нет их численное превосходство. Хотя именно боя ротмистр предпочитал избежать, принимая во внимание недостаток боеприпасов. Не стоит и говорить, что из той суммы, о которой мы договорились, Янкель получил только небольшой аванс, остальное мы намеревались передать ему после того, как получим товар.

Немного позже условленного часа купец приехал на место на бричке, которой правил сам. Мы с беспокойством наблюдали за ним – его бричка была слишком мала и легка для перевозки тяжелого груза. И, как оказалось, груза у него не было. Янкель объяснил, что ему пришлось ехать кружным путем из-за патрулей, и по дороге телега съехала в канаву, а вытянуть ее не получилось. Пришлось оставить возницу сторожить телеги, а сюда ехать самому. И если мы поедем с ним, можно будет быстро загрузить патроны на наших коней.

Я видел, что Равицкий колеблется. Все это могло быть лишь уловкой, чтобы вытянуть нас из леса, из безопасной чащи – но может, это был всего лишь случай. Ротмистр разложил карту и попросил торговца показать, как он ехал,

и где застряла телега. Через мгновение туда были высланы разведчики, которым было приказано осмотреть местность и привезти кучера вместе с вещами, если таковые у него есть. Мы ждали в полной готовности.

Вечером наши люди привели возницу, а за ними, вне досягаемости наших ружей, двигался вражеский патруль. Они успели забрать немного патронов, совсем чуть-чуть, что поместилось в руках, да чтобы слишком не перегружать коней. Было ясно, что в ближайшее время подтянутся большие силы врага, и потому, принимая во внимание недостаток амуниции, ротмистр приказал быстро отступить в лес, забрав с собой купца и возницу. И через мгновение нас скрыли густые ветви и наступающие сумерки. Уже в вечерних сумерках ротмистр остановил нас на небольшой полянке, приказав привести нашего купца и обыскать его. Тот покорно дал обыскать себя, заявляя о своей невиновности. В расстегнутом халате, под которым виднелся талит²⁸, в хороших кожаных ботинках, осанистый, с бородой – Янкель был просто олицетворением надежного человека. К тому же – незаслуженно заподозренного, потому что ничего мы так и не нашли.

Обыскали мы и возницу с его котомкой. Глядя на его глупое, заросшее трехдневной щетиной лицо, на его фигуру, согнутую в поклоне, с шапкой в руке, слушая его неразборчивое бормотание, я подумал, что подозрения ротмистра, скорее всего, безосновательны. Ведь, в конце концов, идиотов не отправляют в разведку? Равицкий тем временем искал документы, которые были бы у купца, если бы он был шпионом – ведь без них пересечь границы повета с таким грузом было бы невозможно. Здесь жандармы их знали, а вот в соседнем повете, куда нас намеревались выманить, любой казацкий патруль мог задержать их как мятежников – с такими уликами! Поэтому они должны были иметь бумаги, которые в подобном положении спасли бы их шкуры и уберегли от задержек в пути. Но мы ничего не нашли.

Ротмистр приказал им разуться – но и в обуви ничего не было, кроме онучей и вонючих. Когда возница разувался, он надел шапку, которую прежде держал двумя руками – и тогда венгр молниеносно сорвал ее и распорол ножом. Пока мужик покорно держал ее в руках, никто, обыскивая его карманы, ботинки и котомку, даже пальцем к ней не притронулся. А в шапке было удостоверение – Фельдесси передал его ротмистру, сам он русского не знал.

Воцарилась глубокая тишина, в которой ротмистр зачитал жандармское удостоверение.

---

²⁸ Прямоугольное молитвенное покрывало из шерсти или шелка с черными или голубыми полосками вдоль коротких сторон и кистями-цицит по углам.

– Нехорошо, господин Блюмштейн, – произнес Равицкий. Я знал, что вешание шпионов не приносит ему никакого удовольствия, а ведь не повесить купца было нельзя. – Может, ты что сказать хочешь?

– А о чем тут говорить, уважаемый господин – дело не выгорело, -- Янкель сказал это совсем спокойно.

– Не выгорело, – согласился с ним ротмистр, дав знак рукой. В отряде было несколько жандармов, которые выполняли подобные приказы; они управились за мгновение и совсем скоро Янкель Блюмштейн украшал ветви раскидистого дуба, стоявшего на краю полянки.

– Прошу прощения, а что с этим? – жандарм, стоявший с серьезным видом перед ротмистром, вопросительно кивнул в сторону возницы, который стоял будто окаменевший. Жест жандарма, казалось, его разбудил.

– Пан офицер, я невинный. Христом-Богом клянусь, он мне велел, я невинный. Велел шапку беречь, я и берег. Я же и читать не умею, я неграмотный...

Равицкий заколебался. Конечно, шпионаж на войне – величайшее преступление, но ведь возница был всего лишь помощником главного, наказанного уже злодея; его глупость могла стать смягчающим обстоятельством. Тот, однако, воспринял раздумья ротмистра по-другому; пока мы ждали приказа, возница вдруг оттолкнул стоявшего рядом улана и бросился в лес, наверняка рассчитывая, что в чаще, в сумерках мы его не найдем. Фельдесси сразу же кинулся за ним, обогнав меня и остальных. Он ловко правил конем, объезжая деревья и ветви, и через мгновение уже приблизился к беглецу. Я увидел только красивый взмах сабли – и беглеца с его преследователем скрыли кусты, из-за которых секундой позже выехал венгр, держа за грязные, полные колтунов волосы отрубленную голову.

Мы подъехали к ротмистру, и Ласло показал ее. Равицкий кивнул, приказав нам выдвигаться – нужно было спешить, ведь позади нас были враги.

– А это, – он показал на голову, – оставьте где-нибудь на виду, пусть похоронят.

Венгр подъехал к молодой сосенке, росшей у самой дороги, быстрым движением отрубил ее верхушку и насадил на этот живой кол голову возницы. Потом надел на нее распоротую шапку, и мы отправились дальше.

* * *

Запал и энергия нашего товарища по оружию бросались в глаза. На первом же долгом привале, когда мы убедились, что погоня отстала, я присел к нему у костра и спросил, знает ли он, за что борется.

– Конечно, – ответил венгр, проглотив кусок ржаного хлеба с салом, – за Трансильванию.

Если бы я гадал годами, я бы никогда до этого не додумался. Видимо, на моем лице появилось настолько удивленное выражение, что Ласло начал объяснять:

Не подлежит сомнению, что Россия сохранила правление Габсбургов в Венгрии в 1849 году. К тому же, союз Вены и Москвы, несмотря на все различия, объединен общим взглядом на польскую проблему. Наверняка царь Николай не так активно помогал бы императору Францу Иосифу, если бы не то, что свобода Венгрии подвергла бы сомнению господство Австрии над Галицией, и, таким образом, создала бы условия для восстановления польского государства. А свобода Польши спасла бы Венгрию от новой русской интервенции. Трансильвания же всегда была для Короны Святого Стефана щитом от Востока.

Подобным рассуждениям нельзя было отказать в логичности. Но я помнил все то, что рассказывал мне мой дальний родственник о своей службе в венгерской армии, куда он отправился добровольцем во времена Весны Народов. Он находился под командованием Бема²⁹, воевал под Писки³⁰ и Надьсебен³¹ (так венгры называют Германнштадт), а под Темесвар³² его ранили, и капитуляцию под Вилагос он наблюдал из полевого лазарета. Домой он возвращался кружным путем, часть которого прошел в компании какого-то желчного молодого субъекта, который все рассчитывал на помощь президента Франции Наполеона. Таким образом, он неплохо знал родину моего собеседника и не раз отмечал, что не только русские и австрийцы были проблемой для венгров. В Трансильвании венгры воевали и с местными румынами, а ведь в некоторых районах они составляли большинство коренного населения. Война там быстро превратилась в партизанскую и гражданскую, т.е. такую, в которой трудно соблюдать все правила, действующие у цивилизованных народов в военное время. Неспособность венгров договориться с другими народами их государства стала одной из причин поражения в 1849 году.

Так или иначе, национальный вопрос в Венгрии был лишь заморожен; всем было ясно, что когда-нибудь он снова даст о себе знать. Потому я и спросил

---

²⁹ Юзеф Захариаш Бем (1794-1850) – польский генерал, главнокомандующий венгерских повстанцев в 1848-1849гг, после поражения восстания перешел на сторону Османской империи, принял ислам и имя Юсуф-паша, был назначен фельдмаршалом турецких войск.

³⁰ Деревня в Польше, в Мазовецком воеводстве.

³¹ Сибиу (рум.), Надьсебен (венг.), Германнштадт (нем.) - город в Трансильвании, важный культурный и религиозный центр.

³² Тимишоара (рум.), Темесвар (венг.) – город в западной Румынии.

Фельдесси, какие способы избежать повторения старых ошибок в случае новой Весны Народов он видит. Тот спросил, какие именно ошибки я имею в виду.

– В общем – то, что вы не поняли, что румыны, словаки, хорваты или сербы тоже желают сохранить свои национальные особенности, и хотят, чтобы эта возможность была обеспечена правом. Чтобы свобода была не только венгерской свободой. А отдельные ошибки – ну хоть бы когда генерал Бем, который был и вашим и нашим героем, провозгласил амнистию румынским повстанцам, ваши гражданские политики признали ее недействительной.

– Правда, что наш общий герой генерал Бем провозгласил амнистию румынским партизанам, – Ласло серьезно покивал головой. – Но мы его любим не за это, – и проглотил очередной кусок хлеба.

– А что касается невенгерских национальностей, – продолжил он через мгновение, – то все подданные Короны Святого Стефана должны создать единый политический народ, не принимая во внимание различия происхождения и вероисповедания. Мы никого не хотим дискриминировать, каждый верный гражданин государства, неважно, словак, румын или русин, может быть венгром. Так же как во Франции, где французом может быть и провансалец, и бретонец, несмотря на все свое этнографическое различие.

Меня не убедило это сравнение венгров – со всем уважением для них, народа без независимого государства, с первым народом Запада, которым вот уже несколько веков были французы. Однако я признал, что для словацкого крестьянина, вот хоть бы такого, у которого мой родственник прятался в хате на обратном пути в Галицию, возможность стать венгерским господином – это невероятное повышение. Но проблема была не в этом.

– Ну хорошо, а что вы сделаете, если они не захотят? Ведь могут же не захотеть, несмотря ни на что? Представь себе такого крестьянского сына, из Словакии...

– Из Верхней Венгрии, – тотчас же поправил меня Фельдесси.

– Ну, пусть будет так. Молодого человека, который выучился на священника, что принесло всей его семье почет и уважение. И он может, несмотря на свое образование и положение, объединяющее его с элитой, остаться собой, быть образованным словаком, руководствуясь, ну, не знаю чем – но уж точно не собственными интересами, потому как – что за в этом интересы? Чувством верности своей общности, которая его создала, тем, что быть собой важнее всего в жизни, а нельзя быть собой, притворяясь кем-то другим. Даже если этот другой превосходит нас в цивилизационном отношении и может нам импонировать. Такие будут всегда, и чем выше будет уровень образования, в котором – ключ к экономическому прогрессу нашей эпохи, тем больше будет

подобных людей. И вы не остановите этого, по той же причине, по которой царь не может остановить строительства железных дорог. К тому же, такие образованные предводители народов, у которых не было когда-то элит, уже встречаются. Мой родственник, из рассказов которого я почерпнул большую часть своих знаний о вашей стране, говорил, что вождем румынских крестьян-партизан в Трансильвании был не какой-нибудь тамошний Шеля³³, а адвокат. Это правда?

– Аврам Янку, – Фельдесси хмуро кивнул головой. Он не спросил о сравнении с Шелей, ведь польскому он учился в Галиции.

– А когда появятся подобные лидеры национальных элит, вам придется ответить на вопрос – что с ними делать? И сделать это прежде, чем теоретическая проблема станет проблемой текущей политики.

Он пожал плечами, прожевывая хлеб.

– Раздавить.

У меня перехватило дух от такой короткой программы национальной политики. Я рассчитывал, что он что-нибудь добавит, но венгр только спокойно, в полной тишине, прожевал хлеб с последним кусочком сала, запив его водой из фляжки. И только стряхивая крошки и отерев губы, он увидел мою задумчивость и сказал:

– Потому что чем будет Венгрия без Трансильвании, без Баната, Хорватии или Верхней Венгрии? Каким же смешным огрызком?! А именно это нам грозит, если мы не сможем их всех поглотить. И что же – потерять территории, которыми мы правили и которые развивали веками? А ради чего?

– Право самоопределения народов, то, что каждый народ может вести независимое существование, позволяющее сохранить его национальные особенности, получает все большее признание в Европе, и его не смог уничтожить даже Священный Союз, чему примером служит Италия. То, что мы тут и сейчас – тоже проявление этого права.

– А ты можешь представить себе свободную Польшу без Минска и Житомира, и даже без Львова и Вильна – ради этого права?

Я долго молчал, смотря в догорающий костер.

---

³³ Якуб Шеля (1787-1862/1866) – галицийский крестьянин, предводитель выступлений галицийских крестьян против гнета помещиков.

– Каждая общность однажды встает перед вызовом времени. Справиться с последствиями права, о котором мы говорим – будь они плохие или хорошие – это вынужденная необходимость, как и принятие любого действительно серьезного вызова. И эти вызовы так важны, потому что нельзя их обойти, провозгласить нейтралитет.

Фельдесси широко улыбнулся.

– Я как раз и принимаю подобный вызов. Ведь я же тут.

Я не мог возразить.

* * *

Через некоторое время после этого разговора Фельдесси погиб в сражении, которое мы все-таки выиграли. Поскольку временно местность была очищена, ротмистр решился на торжественные похороны трех наших убитых. Мы захватили деревню, где ксендз симпатизировал повстанцам (если и сам таковым не был) и ручался за верность своих прихожан. Там мы погребли погибших на небольшом деревенском кладбище, в присутствии всего эскадрона, с трубачом и развевающимся флагом. Фельдесси в гроб мы положили его старинную саблю – я больше никогда не держал в руках подобной. Залпа не было из-за недостатка боеприпасов, но весь церемониал мы сохранили. Могила была без надписи, имена были переданы ксендзу. Когда тот узнал, что среди погребенных есть чужеземец, он сказал, что со временем, когда будет возможно, надо отметить его могилу какой-нибудь особой надписью, которую мы, его товарищи по оружию, должны принять. Он предложит такую: «Любовь к свободе привела его к нам». Мы согласились, что это будет очень хорошо.

Перевод с польского: Владимир Хозинский

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Велесова Слобода, 2008-2009 гг.